

Проклятый род

Олег Лёвин

2025-09-24

Contents

Раскаты грома гулким эхом прокатились над городом. Ослепительная молния прорезала непроглядную тьму августовской ночи. Первые капли дождя ударили по железным крышам домов.

По узким улочкам города бежал человек в зеленом плаще, под мышкой правой руки он держал увесистый том старинной книги в сиреновом переплете. Человек спешил, стараясь успеть к цели до начала дождя, а целью его был большой двухэтажный деревянный особняк с верандой, расположенный на окраине города. Человек переступил порог дома и хлынул ливень.

* * *

— Ты что так поздно, Юра? — Спросил Андрей Орфеев открывая дверь своему другу Юрию Почепову. Тот ничего не ответил, вошел в дом, положил тяжелую книгу на журнальный столик, снял плащ и повесил его на вешалку. Пригладив руками свои рыжие, коротко постриженные волосы и подхватив книгу, он прошел в зал. Здесь Юра осторожно поместил ее на письменный стол, внимательно посмотрел на Андрея и, наконец, сказал:

— Прежде всего, Андрей, здравствуй! Вежливость великая вещь. Мы с тобой неделю не виделись, а ты такой недовольный как будто к тебе в дом ворвался грабитель.

— Ну ладно, ладно не кипятись. Просто уже почти 12 ночи, я собирался ложиться спать. — Оправдывался Орфеев.

— Не заливай! Знаю я твое «спать». Небось сидел свои бумажки перебирал и не подумывал о сне. А мне, знаешь, не терпелось поделиться с тобой рассказом о моей новой находке.

Почепов сел на диван, обхватил руками колени. Вид его был вдохновенный и таинственный. Он указал на книгу, которую принес и торжественно произнес:

— Вот, я ее нашел!

— Что нашел? — Не понял Андрей.

Почепов вскочил с дивана, подошел к столу, и с упреком посмотрел на Андрея, горячо заговорил:

— Ну, как же ты не помнишь? Сколько раз я тебе рассказывал, что собираю книги по русскому фольклору. Давно я уже охотился за редчайшим изданием 1937 г. «Сказания о загадочных и неведомых народах». И вот неделю назад у меня появились сведения от верного человека, что эта книга есть в Воронеже у коллекционера Расторгуева. Я все бросаю и еду туда. Три дня, ты представляешь, мне понадобилось три дня, чтобы уговорить Расторгуева продать мне эту книгу. И я добился своего — теперь книга моя!

Он умолк, победно посмотрел на Андрея, как будто ожидая одобрения или, по крайней мере, проявление восторга, на худой конец сочувствия. Орфеев был совершенно равнодушен, он зевнул и спокойно спросил:

— Сколько же ты за нее отдал?

— 1000 долларов.

— Ты с ума сошел! Где ты взял столько денег!?

— Мне пришлось продать свой старый «москвич» и заложить кое-что из своей коллекции.

— Это невозможно! — Простонал Орфеев.

Они оба подошли к столу. Сиреневый переплет книги тускло поблескивал в электрическом свете. Юра почему-то шепотом сказал:

— Она стоит того. Расторгуев конечно полнейшая задница, но он продал книгу слишком дешево. Я знаю людей, которые дали бы за нее гораздо больше. Считается, что книга приносит счастье ее владельцу, что с помощью нее можно получить власть над миром. Все это конечно полнейшая чушь, но здесь есть один прелюбопытнейший заговор. Вот, посмотри на стр. 379.

Он открыл книгу на нужной странице и прочитал:

«И не найдешь ты покоя себе во веки и прах твой не примет земля. Ты станешь тюрьмой для них. А прах твой содержит ключ, чтобы открыть дверь для них. И тот, кто первый найдет место

упокоения твоего и совершит в назначенный день, до исхода ночного солнца и исполнит предначертанное, разорвет узы, пролив святую кровь».

— Это не на заговор похоже, а на проклятие какое-то. — Заметил Орфеев.

— Вот именно! Я тоже так подумал. Но обрати внимание на то, где это было записано: с. Сыравель Рипецкого уезда Лакинской губернии 1844 г.

— Это не так далеко от нас и там живет отец Венедикт.

В этот момент большие часы на стене пробили полночь. Дождь давно закончился, но слышны были еще раскаты грома и завывание ветра. Юра сел в кресло, утомленно закрыл глаза.

— Ладно, Юр, пойдем спать. Утром покажем текст Тане и решим, что делать дальше. — Предложил Орфеев.

Почепов лег на диване, Орфеев на старой тахте. В огромном старом доме воцарилась тишина. Через стекло окон в комнату пробивался лунный свет. Юрий Почепов долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, то смотрел на книгу лежащую, на столе, то, закрыв глаза, пытался уснуть. Так, с закрытыми глазами он пролежал довольно долго. Уже ощущая, как дремота охватывает тело, Юрий приоткрыл глаза и в лунном свете, у стола увидел фигуру человека в странной черной одежде похожей на монашеский подрясник.

— Андрей! — Позвал Почепов, но в ответ услышал только мирное посапывание Орфеева. «Наверное, я уже сплю» — подумал Юрий и перевернулся на другой бок.

* * *

«Лакинский государственный университет имени М. Покровского. Институт истории и археологии» — гласила табличка рядом с большими стеклянными дверями серого трехэтажного дома.

— Да, Юра, заканчивали мы с тобой захудалый пединститут, а теперь, гляди ты — университет. — Сказал Андрей Орфеев и открыл стеклянную дверь. Они прошли в широкий холл, где рядом с входом в специально оборудованной кабинке сидела вахтерша: толстая тетка с густыми черными бровями, сросшимися у переносицы. Вид у тетки был сердитый. Андрей попросил ее вызвать к ним на первый этаж Татьяну Ивановну Кунину лаборантку кафедры российской истории.

Женщина недовольно что-то пробурчала, но все же позвонила по внутреннему телефону. Минуты через три спустилась Татьяна Ивановна или просто Таня — молодая девушка лет двадцати семи, одетая в строгий красный костюм.

— Привет, мальчики! — Поздоровалась она и улыбнулась. Андрей и Юра ответили на ее приветствие, причем всегда красный нос Юры еще больше покраснел, а на бледных щеках появился румянец.

Вместе они направились на третий этаж. Пока поднимались по лестнице и шли по длинному коридору, Андрей вкратце рассказал Тане о книге, о заговоре и об их с Юрой мнении об этом заговоре.

Коридор был пуст и темен, только одна лампа горела в самом начале его. Андрей с Юрой с удивлением заметили, что за пять лет, которые прошли с того момента как они окончили институт, здесь ровным счетом ничего не изменилось, разве только что поменяли в некоторых кабинетах двери. В остальном все, так как и было: серые шершавые стены, лампы засиженные мухами и скрипящий под ногами деревянный паркет краска с которого слезла лет пятьдесят назад, и с тех пор никто и не думал покрасить его снова.

Кабинет, в котором располагалась лаборатория, находился в самом конце коридора. Дверь лаборатории была подбита ватинной и покрыта дерматином, вся наружная сторона ее стянута стальными проводами сигнализации. Таня Кунина открыла дверь своим ключом, который она никогда не сдавала на вахту. Это была ее привилегия и особый знак доверия со стороны заведующего лабораторией профессора Кабищева.

Лаборатория, имевшая громкое название «исторической демографии и информационных методов исследования» представляла собой длинную комнату прямоугольной формы с абсолютно голыми белыми стенами, с правой стороны стояли два шкафа. В них книги, бумаги, папки. С левой стороны три стола, на которых мирно покоились те самые «инструменты» информационных исследований в исторической науке, т.е. два старых компьютера (на двух столах), а один, последней модели, с плоским жидкокристаллическим монитором размещался отдельно на третьем столе в углу. Что выгодно отличало эту комнату от мрачного коридора, так это огромное окно во всю стену. Оно выходило на солнечную сторону, поэтому в комнате было всегда светло.

— Проходите, мальчики, располагайтесь. — Пригласила Таня двух друзей, открыв дверь и показывая на колченогие стулья

у столов.

Андрей вынул из сумки книгу, открыл ее на странице 379, и положил на стол. Таня надела очки. Друзья удивленно переглянулись, Кунина перехватила их взгляд и грустно заметила:

— С этими компьютерами подпортила себе зрение.

Прочитав заговор, она посмотрела на Андрея и спросила:

— А почему вы решили, что это проклятие? По-моему это обычный заговор.

— Ну а сама форма.

— А что форма. Обычный заговор из арсенала народной магии по наведению порчи на соперника. Вот тут есть какая-то сноска к этому заговору.

Андрей и Юра посмотрели в книгу, и действительно после слов «разорвет узы» стояла звездочка, обозначающая сноску в конце книги.

— Странно, я раз десять читал этот текст, но ни разу не видел этой сноски. Я готов поклясться, что она появилась только сейчас! — Воскликнул Почепов

— Ага, прекрасная фея Таня Кунина взяла фолиант в свои руки и книга тут же раскрыла свои секреты. — Сыронизировал Андрей.

— А зря ты зубоскалишь, Андрей, — остановила его Таня. — Были, да и есть такие технологии в изготовлении бумаги, когда какие-то буквы видны, только если на лист падает свет под определенным углом.

Таня перелистала книгу до раздела «Примечания» и прочитала следующее: «заговор нужно читать, повернувшись на восток и трижды перекрестившись».

— Что попробуем? — Спросила Таня.

— Давай. — Согласился Андрей

— Нет, я в этом не участвую. Я православный человек, а это пахнет каким-то язычеством. — Решительно воспротивился Юрий.

— Смотрите, какая внезапная религиозная ревность! А что перекреститься это уже считается язычеством? — Парировал Орфеев.

Андрей и Таня встали лицом на восток, трижды перекрестились. Внезапно их охватило какое-то непонятное волнение, никто не решался прочитать заговор. Наконец, Кунина взяла книгу в руки и громко, с выражением прочитала текст. Ничего как будто не изменилось. Таня неожиданно вскрикнула и уронила книгу на пол. Юра со словами: «Тань, тебе ничего доверять нельзя!» бережно поднял фолиант.

— Ты посмотри, что там внутри. — Заикаясь, пролепетала Таня.

Юра открыл книгу на нужной странице и замер, теперь все трое пристально смотрели на ту страницу, где был напечатан заговор: с левой стороны текста сверху вниз четко проступили четыре кроваво-красные славянские буквы. Первый нарушил молчание Андрей:

— Ну и что это значит?

— Это цифра, а точнее и, скорее всего год — 1407. — ответила Таня Кунина.

— Слушай, Юра, ты у нас специалист по Средневековой истории Руси, что там, в 1407 году было то? — спросил Андрей

— Да ничего важного. По-моему в этот год митрополит Киприан умер.

— Может под этим годом отмечено и не особо важное событие. Возможно, оно произошло вовсе и не у нас, а где-нибудь во Франции или Германии. — Предположила Таня.

— Ну, вот что: давайте сегодня дома каждый у себя, поработает с литературой, и найдем все, что касается этого 1407 года, а завтра встретимся часа в три в библиотеке и все обсудим. Согласны? — предложил Андрей

Юра и Таня не возражали.

* * *

Таня Кунина жила на улице Теплой в большом трехэтажном доме, построенном в стиле «модерн» в начале двадцатого века. С правой стороны от входа в подъезд висела мемориальная доска с надписью: «Здесь жил городской голова и общественный деятель Потапов И. И.»

Дом состоял из больших комнат с высокими потолками. Летом в них было прохладно, даже в самую страшную жару, а зимой

холодно, так что никакие печи не могли согреть огромное пространство комнат.

Таня жила на третьем этаже в квартире №8. Здесь у нее было две комнаты и кухня с санузлом. В квартире, которую ей купили родители лет пять назад, она жила одна.

Рассказывали, что до Тани в квартире жил какой-то старик, который покончил жизнь самоубийством. Причем сделал он это каким-то странным образом: он повесился, но не за шею, а за ноги. В таком положении он провисел два дня, а на третий умер в страшных мучениях. Так бы он и провисел долгое время, и никто не заметил его исчезновения, если бы не запах от разлагающегося трупа. Поговаривали, что старика убили, но все же официальная версия так и осталась — самоубийство.

Первое время в этой квартире Тане жилось плохо. Мучили бессонницы, частые головные боли, чего раньше она за собой никогда не замечала. А потом, по ночам, стал приходить тот старик, который здесь раньше жил. Примерно в полночь он являлся в окне спальни, лицо его было мертвенно-бледным, а взгляд печальным. Он долго смотрел на Таню, губы его шевелились, он как будто о чем-то просил. Поначалу Таня Кунина пугалась этих видений, но они повторялись слишком часто, и страх исчез. В конце концов, ей это надоело, она сходила в церковь и заказала панихиду по бывшему жильцу этой квартиры. Во время служения панихиды молодого совершенно здорового священника хватил сердечный приступ и его отвезли в больницу, но с тех пор старик больше не являлся в окне, и Таня успокоилась. А вместе с тем ее перестали мучить бессонницы и головные боли. А квартира стала ее самым любимым уголком в городе, да и на всей земле.

В тот день, после разговора с ребятами, Таня пришла домой с работы около шести вечера. Она сняла туфли в прихожей, прошла в кухню и поставила на газовую плиту чайник, чтобы вскипятить воду. Таня приняла душ, потом заварила кофе и села за стол в своем рабочем кабинете, который одновременно служил ей и спальней. Таня перелистывала книгу под названием «Хронология дат и событий мировой истории» пытаясь найти все что, касается 1407 г., отпивала маленькими глотками кофе и невольно смотрела в зеркало, которое висело на стене в противоположном конце комнаты. Она углубилась в чтение и вдруг ее поразила мысль о том, что она не видит в зеркале своего отражения. Таня оставила книгу подошла к зеркалу вплотную, но ничего не изменилось — ее в нем не было видно. Отражался письменный стол, шкаф с книгами, коврик на полу, а она сама нет. Таню охватил страх похожий на тот, когда тебя

заперли в темной комнате одну, и ты чувствуешь, что есть еще кто-то и он медленно подходит к тебе, а ты не знаешь, откуда и с какими намерениями. Внезапно она увидела в зеркало себя, свое лицо, но какое-то зеленоватое, припухшее, как у утопленника, а глаза были широко открыты и полны ужаса.

Таня не отрываясь смотрела в эти глаза, казавшиеся ей чужими. В следующее мгновение отражение пропало, зеркало стало мутным и опять появилось изображение. Таня снова видела себя, но уже бегущей по какой-то темной галереи и одета она была в длинный сарафан. Там, в зеркале, Таня Кунина бежала изо всех сил, а здесь, в комнате она чувствовала, как тот, кто ее преследует с каждым шагом все ближе и ближе, а смерть неминуема. Ужас сковывает сердце, ноги немеют, она падает, что-то огромное и черное нависает над ней. Она инстинктивно протягивает руки вперед пытаясь защититься. Темноту пронизывает ослепительный блеск лезвия меча и обе ее руки чуть выше локтей, отлетают как у игрушечной куклы. Таня чувствует боль, затем такую же в ногах, слышит свой крик, а потом чей-то голос: «Бросьте ее в реку!» И тут же, как будто кто-то ее душит, не хватая воздуха, она задыхается и просыпается на собственной постели в собственном доме. За окном уже совсем стемнело. Таня включила настольную лампу, посмотрела на часы — без четверти три. «Боже, какой кошмар приснился!» — подумала она и ощутила слабую боль чуть выше локтя. Она засучила правый рукав блузки и увидела маленькую красную линию как будто заживший шрам.

— Какой ужас! — Прошептала Таня и трясущейся рукой стала набирать номер телефона Андрея Орфеева.

* * *

Андрей Орфеев называл себя «свободным исследователем». Вместе с Таней и Юрой он пять лет назад закончил истфак в числе первых. Все прочили ему блестящую карьеру ученого, а руководитель кафедры видел в нем своего приемника. Сам Андрей никому ничего не объяснял, говорил только, что его не прельщает карьера университетского преподавателя, и что его сковывают всякие условности и рамки в историческом поиске. Орфеев устроился работать в местный краеведческий музей на полставки, жил в большом старом доме, доставшемся ему от деда в наследство, и к удивлению всех его знавших никогда в деньгах не нуждался, а многим и сам помогал.

В тот день после встречи с Таней в институте, Андрей пришел на работу около двенадцати, т. е. ко времени обеденного перерыва. Широкий коридор музея с каменным полированным полом украшали картины со сценами из мордовского эпоса «Свияжар». Андрей прошел по коридору первого этажа мимо зала «Быт русских помещичьих усадеб», деревянной модели Лакинска в XVII веке, картины «Чекисты на субботнике в бывшем Казанском монастыре», поднялся по крутой лестнице на второй этаж и, прошмыгнув мимо кабинета директора (дверь была закрыта) вошел в свой собственный рабочий кабинет. Конечно же, Андрей сильно опоздал на работу. Положено было приходить к девяти утра, а он пришел к 12. Так повторялось изо дня в день, однако директор смотрел на это снисходительно. Андрею стали поднадоедать ежедневные директорские нотации по поводу его опозданий. Орфеев понимал, что все слова типа «это последнее предупреждение» или «вы будете уволены» пустые звуки, произносящиеся для вида и для порядка.

Андрей Орфеев собирал для музея старые открытки с видами Лакинска и уездных городов. И надо сказать, что в этом деле он сильно преуспел: в музее им была собрана полная коллекция таких открыток. Кроме того, уже по собственной инициативе, Андрей собрал большую коллекцию старинного холодного оружия ставшей гордостью лакинского музея. Причем собирал он, эту коллекцию, не потратив ни одного рубля из музейных средств. Конечно же, руководство музея не хотело терять такого ценного работника и многое ему прощало.

Дел в этот день было не так много. Андрей созвонился с одним антикварным барыгой в Каркашанске у которого, как сообщил Почепов, есть фотография Архангельской церкви г. Лакинска с западной стороны. Долго договаривался о продаже этой открытки. Барыга заломил неимоверную цену в 50 долл., но, в конце концов, согласился продать за 150 рублей. Разговор этот отнял у Андрея много сил, бросив телефонную трубку, он подумал: «Какой же жадный народ пошел, скоро старую туалетную бумагу будут продавать за 100 долл.» Орфеев знал, что цена открытки не более 50 рублей, но вот же пришлось уступить нахалу!

Было уже около четырех часов дня, рабочий день подходил к концу и остаток его Андрей решил скоротать в соседнем кабинете, в обществе хранительниц фондов Розалии Ромуальдовны Чернодед и Ксении Поповой.

Розалия Ромуальдовна старая дева лет 50-ти, с седыми вьющимися волосами, немного шепелявила при разговоре и всегда как-то криво и виновато улыбалась. Ксения — молодая,

белокурая, ослепительно красивая и крайне, как казалось Андрею, застенчивая. Она совсем недавно работала в музее и всегда была подчеркнуто официальна с Орфеевым, что его несколько не огорчало, так как он привык к отсутствию интереса со стороны женского пола к своей персоне. Женщины редко к нему относились с симпатией, исключение составляли разве только Таня Кунина да Розалия Чернодед.

Розалия Ромуальдовна заварила Андрею кофе. Орфеев рассказал о недавней своей сделке, посетовал на жадность продавца. Розалия Ромуальдовна сочувственно кивала, а Ксения хмуро поглядывая на Андрея, молчала и перебирала какие-то фотографии, записывая сведения о них в книгу поступлений.

— Что это у вас за фотографии Ксения Ивановна? — Спросил Орфеев и подошел к Ксении Поповой. На ее столе лежало несколько старых фотографий сделанных где-то в 60-х годах XX века. Одна из них невольно привлекла внимание Андрея. На ней была запечатлена молодая женщина, одетая в простую крестьянскую одежду, какую носило в северных уездах Лакинской губернии еще в конце прошлого века. Волосы у нее были распущены и беспорядочными космами свисали в разные стороны. «Если ее причесать, одеть в красный костюм, то получится вылитая Таня Кунина» — подумал Орфеев, а в слух сказал:

— Откуда эта фотография, Ксения Ивановна?

— Ее прислал наш давний знакомый Николай Илларионович Пакин из с. Ново Чемоданово.

— Она что представляет какой-то интерес?

— В сопроводительном письме он пишет, что это какая-то местная блаженная очень почитаемая в тамошних местах. Он надеется, что фото нас заинтересует и хочет ее обменять на одну из открыток старого Рипецка.

— А вас, Андрей Петрович, почему заинтересовала эта фотография? — Спросила Розалия Ромуальдовна.

— Да нет, ничего особенного, это скорее Ключеву будет интересно, он у нас этнографический отдел возглавляет, так что блаженные по его части. Мне просто показалось, что эта женщина очень похожа на одну мою хорошую знакомую.

Сказав это Орфеев, заметил взгляд Ксении, устремленный на него. Он посмотрел в ее глаза, и ему вдруг стало нехорошо, как-то резко затошнило. Он извинился и пошел к себе в кабинет. Время, оставшееся до конца рабочего дня, он провел, изучая

старые фотографий с изображениями винокуренных заводов Лакинской губернии. Он слышал, как несколько раз мимо его кабинета прошла Ксения Попова, туфли на высоком каблуке среди работниц музея носила только она, поэтому цоканье каблучков по паркету легко можно было отличить от других шагов.

Ровно в пять вечера, когда в музее воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем часов, да неторопливыми разговорами уборщиц в дальних залах музея, Андрей решил, что теперь ему пора домой. Обычно он уходил немного раньше всех минут на пятнадцать, но сегодня почему-то решил задержаться и дожидаться, когда уйдут все сотрудники музея. В кабинете хранительниц фондов он слышал, как хлопнула дверь, щелкнул замок, и зашаркала подошвами своих легких туфель Розалия Ромуальдовна. Ушла ли Ксения, Орфеев не знал. Наконец Андрей решился выйти из кабинета, в этот же момент открылась дверь у хранительниц, и Орфеев увидел Ксению, она как будто поджидала его. Только сейчас при ярком дневном свете падающим из большого окна, Андрей обратил внимание на то, что Попова очень ярко накрашена: щеки затонированы белой пудрой и особенно тщательно подведен румянец, помада на губах алая, ресницы подкрашены в иссиня-черный цвет. Лицо Ксении было похоже на маску и выглядело неестественно, хотя даже это не могло испортить природной красоты ее и в некотором роде придавало Ксении еще большую привлекательность.

— Вы что-то поздно сегодня, Андрей Петрович. — Сказала Ксения.

— Да, засиделся.

Они вместе вышли из музея и направились по Тепличной улице к автобусной остановке.

— Вы далеко живете? — Спросил Андрей.

— На улице Рипецкой, 10. У нас частный дом. Я всегда хожу домой пешком через Воздвиженское кладбище, так получается короче.

«Рипецкая улица находится совсем в другой стороне и как это можно к ней пройти через кладбище?» — подумал Андрей и предложил Ксении проводить ее, она согласилась.

Они шли по Большой улице, центральной в городе, широкой и светлой и прохожие невольно обращали внимание на эту странную пару: высокая, стройная, красивая девица и небольшого

росточка, плюгавый, в толстых очках на носу, худой мужик в засаленных джинсах и зеленой полинялой майке.

— А раньше я была другой. На меня никто внимания не обращал. — Вдруг сказала Ксения.

— Когда это раньше?

— Ну, когда училась в институте, кстати, на одном факультете вместе с вами, только вы были на три курса старше меня. И знаете, вы мне тогда нравились.

— А я вот вас что-то не помню.

— Где уж вам помнить, Андрей Петрович, вы тогда кроме книг и пыльных архивных бумаг ничем и не интересовались.

Она о чем-то задумалась, а потом с какой-то грустью сказала:

— Может если бы не вы, ничего бы и не было. Впрочем, это теперь уже и не важно, тем более, что мы уже пришли.

Они остановились у красной кирпичной ограды Воздвиженского кладбища. Уже совсем стемнело. Зажглись фонари, которых вдоль ограды было только три. Они чуть чуть освещали асфальтовую дорожку. Андрею казалось, что в темноте он видит только лицо и волосы Ксении, а фигура как бы исчезла, когда они вновь оказывались на свету, он снова видел ее всю.

У входа на кладбище приютился ветхий домишка смотрителя. Крыша во многих местах над домом провалилась, стекла в окнах были выбиты и заколочены досками, смотритель давно не жил в этом доме. Кладбище было старое, на нем никого не хоронили, и оно постепенно приходило в запустение.

— Странно, как быстро стемнело, неужели мы так долго шли, от музея до кладбища не так уж и далеко. — Сказал Андрей и, посмотрев на часы еще больше удивился — было половина одиннадцатого.

— Да, Андрей Петрович, мы шли с вами долго, и мне подумалось, не пригласить ли мне вас на чашечку кофе? — Она в раздумии посмотрела на него и продолжила. — Хотя нет. В другой день. Завтра, а?

Ксения вопросительно посмотрела на него. И тут Андрей поразила мысль, которая до сих пор с того момента как они отошли от музея, сидела у него где-то в подсознании, и какая-то чужая сила не давала ей вырваться на волю. «Все как в абсурдном сне. Мы знакомы с этой девушкой шесть месяцев, но до этого дня она только здоровалась со мной. А сегодня я ее провожаю домой через кладбище, а живет она

в противоположной стороне, и до кладбища идти не более 20 минут, мы никуда не сворачивали и не останавливались и, тем не менее, шли почти 4 часа». Улица была пустынна, Андрей не видел ни одного прохожего, и было удивительно тихо, как будто город вымер. Внезапно Орфеева охватил страх. Он как волна поднимался от самых пяток, и тело цепенело. А Ксения Попова стояла напротив, и ждала ответа, и в этот момент Андрей боялся только одного, что она.... Ксения как будто услышала его мысли, наклонилась к нему, и сердце его сжалось. Она наклонилась к самому его уху, дыхание ее он ощущал на своей щеке и не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой он в отчаянии закрыл глаза.

— Ты придешь, — шепотом сказала она. — Ты обязательно придешь. И я сделаю то, чего ты сейчас так боишься: я крепко обниму тебя, я прижмусь к твоему телу, и мы станем одним целым, и жизнь твоя сильно изменится. Впрочем, сможешь ли ты это называть жизнью?

Она засмеялась и побежала к воротам. Андрей открыл глаза, и ему показалось, что Ксения не ушла, а просто растворилась в воздухе, как будто ее и не было вовсе.

* * *

Дом, в котором жил Андрей Орфеев, достался ему в наследство от деда Никифора Стронкина, известного в городе продавца антиквариата. Он купил его, довольно дешево у барона Аверабля Генделя, когда тот вынужден был эмигрировать на Запад из Советской России. О самом Стронкине в городе говорили разное. Одни утверждали: что он страшно богат и у него в доме, даже подлокотники кресел сделаны из золота. Другие что богатство свое он нажил, будучи секретным сотрудником НКВД. А делал он это так: приходил к кому-нибудь из «бывших» якобы как историк-краевед собирающий воспоминания людей о былом времени. Пока разговаривал, подмечал, что есть ценного в квартире, а на следующий день человека, с которым он разговаривал, увозили в «воронке» и больше его никто уже не видел. Часть имущества исчезнувшего каким-то образом попадало к Никифору Стронкину.

Еще в 1950 -х годах Никифор купил большой дом с верандой. Жил в нем уединенно, никого не принимал, там же хранил свою коллекцию. Жена Никифора умерла почти сразу после покупки этого дома. Говорили, что Стронкин запер ее в одной

из многочисленных комнат и дверь этой комнаты никогда не открывал. Такие ходили слухи.

Единственная дочь его провела детство в этом же доме, когда ей исполнилось лет пятнадцать, он выгнал ее из дома. Но она не растерялась, устроилась работать на завод, затем окончила техникум, вышла замуж. Когда родился Андрей (в 1973 г.), отец вдруг вспомнил о дочери, стал ее навещать, помогал материально. Дочь принимала это как должное, как будто и не было многолетнего разрыва и той обиды, которую нанес ей отец. Никифор очень сильно любил своего внука Андрея. Именно от деда Орфеев унаследовал страсть к историческим изысканиям и собирательству разных раритетов.

По смерти деда выяснилось, что ни коллекции, о которой в городе так много говорили, ни особых каких-то богатств нет. Остался только сам дом и антикварная обстановка его комнат. Да еще небольшая библиотека из изданий разных годов житий Георгия Победоносца, Петра и Февронии Муромских, Киприана Карфагенского и Иулиании Вяземской. Коллекционирование подобных книг Никифор Стронкин был увлечен последние десять лет своей жизни.

Кроме дома дед оставил Андрею и еще одно наследство, довольно странного характера: два ключа старинной работы. За день до своей смерти, отдавая ключи внуку, Никифор Стронкин сказал ему: «Это ключи от дома барона Ганделя. Но их только два, а должно быть три, чтобы открыть двери. Найди третий ключ, это все, что я успел узнать». Смысл этого завета Андрею был непонятен, а спросить он не успел: за три дня до своей смерти дед пребывал в бессознательном состоянии, он и умер, не приходя в себя.

Дом Стронкина был огромным, ужасающе огромным. Во всяком случае, в начале XX века (а по документам дом был построен в 1901 г.) так редко строили из дерева. Дом состоял из двух этажей и полностью был сложен из огромных дубовых бревен. Вся эта махина покоилась на мощном каменном фундаменте. Имелся также обширный подвал, который в некотором роде представлял собой еще один, но подземный этаж. Фундамент выложен большими валунами, что было необычно, так как в Лакинской и соседних губерниях таких камней днем с огнем не сыщешь. Всего в доме было 33 комнаты. Каждая комната имела прямоугольную форму, три окна и была ровно в два раза больше предыдущей, начиная от первого этажа, так что на втором этаже находились самые большие комнаты. Еще одна особенность дома: то, что было сказано, даже шепотом, в одной из комнат было слышно во всех, но только при открытой,

хотя бы в одной комнате, двери.

Андрей любил этот дом. Он был таинственным и мрачным. Это и нравилось ему. В детстве, бывая в гостях у деда, он часто в одиночестве гулял по длинным коридорам дома, переходя из комнаты в комнату, прислушиваясь к разным звукам, которыми всегда был наполнен старый дом. Он попадал как бы в особый мир, за стенами дома исчезала реальность, и казалось, что ты оказался на дне огромного склепа. Андрей любил разглядывать старинную мебель, массивные диваны, кресла и кушетки, портреты неизвестных ему людей и статуи странных чудовищ и чудищ. После смерти деда Андрей ничего не менял в доме он только поставил на кухне новую мебель и газовую плиту.

Проводив Ксению Орфеев благополучно добрался до дома и только на кухне, выпив чашечку горячего чая он ощутил странную усталость. Андрей вспомнил события сегодняшнего дня и подумал о том, что заговор, который они так неосторожно произнесли вслух, разбудил какие-то неведомые силы и что — то в мире стало меняться. Хотя, с другой стороны вроде и не произошло ничего из ряда вон выходящего, все вполне объяснимо и понятно. Ну, проводил он красивую девушку, которая когда-то давно была влюблена в него, и что с того?

Усталость давала о себе знать: хотелось спать. Сон обволакивал тело, слипались глаза. Андрей положил руки на стол, склонил на них голову и задремал. Ему приснился странный сон. Как будто он находится в большой комнате перегородженной панелью с прозрачными стеклами в верхней части. По обе стороны панели стояли стулья и телефоны на небольших полочках, прикрученных к панелям. У входа в комнату охранники в форме грузинских полицейских. Андрей видит себя сидящим у одного из окошек, открывается дверь по другую сторону панели и входит его дед Никифор Стронкин: его длинные седые волосы не расчесаны, борода топорщилась в разные стороны. Одет он в серую рубаху до пят, какие надевают на буйных психов, руки скованы кандалами. Он садится на стул по другую сторону панели, напротив своего внука и берет телефонную трубку, взглядом показывая Андрею, что он должен сделать то же самое. В трубку Андрей слышит немного глуховатый голос деда:

— Привет, Андрюша! Ты еще жив? Рад тебя видеть. Как ты там?

— Да ничего, потихоньку.

— Скоро вам всем какую, если ты не пошевелишься кое-что сделать.

— Что я должен сделать?

— То, что я тебе говорил и раньше: найти третий ключ.

— Я ищу, но пока успехов нет.

— Ищет он! Плохо ищешь. Времени осталось мало, а ты и то, что нашел, не можешь понять, думай лучше и друзья твои пусть думают. Может и поздно теперь. Ты же одну провожал уже. Смотри, не целуйся с ней!

Откуда-то с потолка раздался голос: «Свидание окончено!» Дед встал, загремели кандалы.

— Молись за меня. Ты совсем не молишься, а мне здесь плохо. И да, дом мой, который ты так любишь, это дом Ганделя о котором ты скоро узнаешь.

Андрей не успел ответить, дед исчез, свет стал меркнуть. Зазвонил телефон. Андрей как замороженный смотрел на него, и тут до него стало доходить, что телефон звонит не во сне, а наяву у него в комнате. Орфеев встал, прошел в зал, взял трубку и услышал взволнованный голос Тани Куниной:

— Андрей, приезжай скорей, нужна твоя помощь!

— Хорошо, Тань, еду. — Ответил Андрей и начал собираться.

* * *

Юрий Почепов был родом из с. Сыравель Рипецкого района Лакинской области. Десять лет назад он приехал в Лакинск, и поступил в институт на исторический факультет. Все десять лет, ни во время учебы, ни после нее, он не имел собственного жилища в городе. Сначала жил в студенческом общежитии, потом снимал убогие комнаты в глухих углах города.

За годы учебы Юрий скопил кое-какой капитал, занимаясь перепродажей антиквариата. В какие только аферы он не пускался! И вовсе даже не из желания заработать побольше денег, а единственно из азарта, из жажды приключений и опасностей. Со временем Почепов поуспокоился, прежний азарт антикварного игрока прошел, и Юрий стал воспринимать свое дело именно как работу, как способ зарабатывать на хлеб насущный. Тем более что за все эти годы был приобретен богатый опыт и бесценные знания, которые ни в одном институте не получишь. Юрий слыл в среде коллекционеров, знатоком всего того, что касалось старинной мебели, книг,

денег, икон, фарфора и хрусталя. Знания и опыт его ценили и часто обращались как к опытному эксперту.

В день, когда они с Орфеевым ходили к Татьяне, ему крупно повезло: он продал новиеновский сервиз 1911 г., с лихвой компенсировав все свои расходы, связанные с покупкой книги. Часам к десяти вечера он вернулся в свое жилище: квартиру на втором этаже многоэтажного дома, которую он снимал уже третий месяц. После ужина, он сел за работу. Начал с летописей, но в разных редакциях их под 1407 г. не обнаружил ничего достойного внимания, и только раскрыв «Славянскую энциклопедию» он нашел информацию, которая, как ему показалось, заслуживала внимания. В статье о лакинском князе Георгии Святославиче рассказывалось о его печальной судьбе: «В 1407 г., согласно летописному сообщению Георгий Святославич, увлеченный красотой жены бывшего князя Семена Ярославича Терции, убил во время пира ее мужа, своего наместника в Рипецке, и пытался изнасиловать саму Терцию. Обороняясь от насильника, она ударила его ножом, но промахнулась, тогда княгиня бросилась бежать от озверевшего князя, но тот догнал ее и в порыве бешенства зарубил». Никоновская летопись сообщала о том, что князь подавленный совершенным деянием ушел в Петровский монастырь. Но и там не нашел себе покоя, скитаясь из одного монастыря в другой он, наконец, скончался в Рязанских пределах в день Воздвижения Креста Господня «пребыв в печалех и в скорбех, сетуя и плача, поминая свои беды и напасти». На Георгии род лакинских князей пресекся.

Прочитанное можно было применить к чему угодно и это никак не согласовывалось с текстом заговора, но Почепов был почему-то твердо убежден, что это именно та информация, которая им нужна.

На всякий случай Юрий Почепов открыл еще одну книгу под названием «Женщины на Руси» известной феминистки Пушкаревой. Из нее он узнал об интересных подробностях трагической гибели Терции. Оказывается, Георгий Святославич сначала отрубил ей руки и ноги, а затем велел своим слугам утопить ее.

Главное богатство Юрия — его библиотека, которую он собирал долгие годы. Уникальность ее заключалась в том, что она содержала в себе довольно редкие экземпляры книг, к одной из таких книг Почепов и обратился. Это увесистый фолиант «Дворянские роды Лакинской губернии» изданный в 1883 г. в типографии лакинского купца Федора Мокроусова. Это был единственный экземпляр из 50, которые

тогда отпечатали. С прекрасными иллюстрациями, цветными вклейками с генеалогическими древами и гербами дворян. Юра помнил, что начинался том с описания главного рода губернии, ведь не каждая русская губерния когда-то была удельным княжеством. Изучая весьма разветвлённое древо, Почепов не без труда нашел на нем князя Георгия Святославича и к удивлению своему обнаружил, что потомство у него, вопреки утверждению энциклопедии, было. Его дочь Елена дала росток по женской линии, и один из ее потомков был Никифор Стронкин. Почепов поймал себя на мысли, что фамилия эта ему знакома, и он вспомнил — да этот же дед Орфеева! Пораженный открытием он стал звонить Андрею, но он не брал трубку, тогда Почепов тут же позвонил Татьяне, сказал, что сейчас приедет, было без четверти пять утра. Время летело, как будто ускоряясь и приближая неотвратимое.

* * *

— Что случилось, Таня? — Спросил Андрей, когда Таня Кунина открыла ему дверь своей квартиры. Он первый раз был у нее дома. Жилище Тани Андрею не понравилось. Комнаты большие, мрачные и какие-то неуютные, как будто в них никто не живет. Таня усадила Орфеева в кресло и вкратце рассказала о своих ночных видениях.

— Тань, ну это только сон. Пусть не совсем приятный, но все же сон. — Попытался успокоить ее Андрей.

— Да!? А это тоже сон? — Она подняла рукав блузки и показала ему шрам у локтя.

— Откуда это у тебя? — Испуганно спросил Орфеев.

— Появилось сразу после этих видений. А с того момента, как я проснулась, шрамы стали больше, немного набухли и покраснели.

— Ты знаешь, я тоже видел сегодня во сне своего деда в какой-то странной обстановке. И мне показались необычными кое-какие обстоятельства, когда я провожал одну нашу сотрудницу после работы домой. Я вот сейчас никак не пойму, зачем она через кладбище пошла, когда ее дом в противоположной стороне, впрочем, может в этом и нет ничего необычного, но мне кажется, что все события последних суток как-то связаны между собой. — Андрей говорил путано, так происходило всегда, когда он был чем-то взволнован.

Таня опустила рукав блузки, на мгновение задумалась, а потом будто решив что-то, сказала:

— А может, мы зря переживаем? Может все нормально? Ну, приснились кошмары и что? А шрамы на локтях — это может лимфоузлы воспалились, у меня в детстве такое бывало. А кстати, что за сотрудницу ты провожал?

— Ксению Попову, она говорила, что вместе с тобой училась.

— Да помню, — тут Таня насторожилась и обеспокоено спросила. — Постой, постой, как ты сказал ее фамилия?

— Попова.

— Со мной действительно училась Ксения Попова, но знаешь, она умерла лет пять назад, у нее был рак легких. Ее похоронили на Воздвиженском кладбище.

Зазвонил телефон. Таня взяла трубку, ответила: «Да» и положила ее на место.

— Это Почепов. У него что-то важное, какая-то, как он сказал, интересная для нас всех информация. Сейчас приедет. — Сообщила она Андрею.

Когда они дождались Юрия и выслушали его рассказ о том, что ему удалось узнать о лакинском князе и его жертве, Андрей спросил:

— Видел ли ты Танины шрамы, Юрий?

— Шрамы появились и на ногах. — Уточнила Таня.

— Но нет никакой логики, как все это связать? — Недоумевал Андрей.

— По одному из преданий князь Георгий закончил свой путь в Новочемодановском монастыре, который находился недалеко от Сыравели, а именно в этом селе в 1844 г. был записан наш заговор, а значит нам ничего не остается делать, как ехать туда и что-то попытаться узнать на месте. — Ответил за всех Почепов.

— Кстати, там служит Венедикт! — воскликнула Таня и расплылась в улыбке.

— Венечка? Теперь его туда занесло? — с некоторой долей презрения сказал Андрей.

— Какой Венечка? — спросил Почепов

— Ну ты чего, Юра? Не помнишь нашего однокурсника Веню Герусова вечного искателя «Божия осияния» и проповедник богоизбранничества Достоевского?

— Ах да! Он же священником стал. Помню, конечно, мы в свое время много с ним дискутировали во время наших библиотечных бдений перед сессиями.

— Ну вот, вспомнили. А Сыравель недалеко от монастыря, может Венедикт нам чем поможет, наверняка он те места лучше нас знает. — обрадовалась Кунина

— Возможно. — Скептически заметил Орфеев.

Они решили отправиться завтра же с первым автобусом в Рипецк. Расходились, когда уже совсем рассвело, и первые лучи солнца упали на пыльные листья деревьев.

Возвращаясь домой Орфеев вышел к Воздвиженскому кладбищу, хотел сократить путь домой. У входа на кладбище обратил внимание на скромный могильный камень. Надпись на нем золотыми буквами по серой поверхности камня гласила: «Ксения Ивановна Попова. 10. 12. 1975 — 13. 12. 1998». Могила была хорошо ухожена, железная ограда недавно выкрашена в черный цвет, на могильном холмике росли фиалки. Ровная асфальтированная дорожка вела мимо могилы Поповой вглубь кладбища. Недолго постояв у могилы, Андрей пошел по дорожке. Он прошел через все кладбище, миновал ворота главного входа вышел на улицу Чирикова, затем свернул на Рипецкую, располагавшуюся на восточной окраине города.

Эта была недлинная улица, со старыми домами, многие из которых давно необитаемые. Асфальт здесь заканчивался, и дорога была вся в колдобинах и колеях. На улице он не встретил ни одного человека, мутные окна домов смотрели недружелюбно, темные дворы пусты и не ухожены. У одного старого покосившегося домика, стены которого были выкрашены в серый цвет, а краска во многих местах облупилась, стоял человек одетый в серую милицейскую шинель. Взгляд его был пуст, щеки густо обросли щетиной. Он держал руки в глубоких карманах и тупо смотрел на Андрея.

— Вы не подскажете, где здесь дом Поповых? — Спросил Андрей.

Человек сплюнул грязной слюной на землю, смерил презрительным взглядом самого Андрея и молча указал на красный дом в конце улицы. Это был средних размеров деревянный дом с верандой, все окна в доме заколочены досками, входная дверь приоткрыта.

Андрей вошел в дом и оказался в узком длинном коридоре,

заставленном пустыми коробками. Коридор заканчивался одной единственной дверью. Орфеев нерешительно направился к ней. Открыв ее, он попал еще в один коридор, еще более узкий, но теперь без коробок вдоль стен. Этот коридор также заканчивался дверью, но за ней находилась только кирпичная стена. Андрей Орфеев стоял перед этой стеной, лихорадочно соображая, как могли вместиться такие узкие длинные помещения в не таком уж и большом доме и где это в нем может быть кирпичная стена. В это время кто-то окликнул его: «Молодой человек, что вы здесь делаете?». Андрей от неожиданности вздрогнул и увидел в светлом проеме силуэт женщины. «Что вы тут делаете? Выходите!» -скомандовала она. Андрей вышел наружу. Женщина, стоявшая на почтительном расстоянии от него, была уже немолодой. Ее черные с сединой волосы аккуратно уложены на затылке, лицо испещряли морщины, выделялся крючковатый, как у хищной птицы, нос. Одея она была в красный плащ на ногах калоши.

— Что же вы там делали, в чужом доме? — Повторила она свой вопрос.

— Я искал Ксению Попову, мне указали на этот дом, а дверь была открыта.

— Попову? Так она умерла лет пять назад. Впрочем, точно вам сказать не могу, хотя она и была похоронена, но гроб был все время закрыт, поэтому я и не видела Ксению мертвой. А в наше время, знаете ли, в гроб можно положить все что угодно.

— А она жила одна?

— Абсолютно одна, она купила этот дом, когда поступила в институт. Она ведь не местная. По-моему, из рипецкой Сыравели.

С этими словами она резко развернулась и ушла в противоположную от Орфеева сторону. Андрей еще какое-то время стоял в раздумье, а потом двинулся по Рипецкой улице к ее началу. Улица выходила в поле, и дальше не было никаких построек.

СЫРАВЕЛЬ

Августовской ночью 1999 года автобус, шедший по маршруту Каркашанск-Москва сделал остановку в Рипецке, из автобуса вышел только один пассажир: высокий молодой человек в сером плаще и фетровой шляпе. В правой руке он держал небольшой чемоданчик. Двери закрылись, скрипнули тормоза, взревел мотор и автобус продолжил свой путь в Москву. Человек в сером плаще остался на автовокзале один. Фонарь на высоком столбе тускло освещал обшарпанные стены автовокзала. Зал ожидания

с немывыми заплеванными полами был пуст, только старый слугитель дремал за столом в дальнем углу. Незнакомец спросил у него как далеко идти до села Сыравель и, получив ответ, тут же отправился в путь.

Он добрался до села, когда уже светало, и подошел к Сыравели с юга, со стороны высокой гряды, по вершине которой проходила грунтовая дорога. С вершины гряды открывался великолепный вид на долину, в которой, и располагалось село. Белые крыши домов тонули в зелени садов, между домами синей змейкой струилась река Кара, далеко на севере видны были очертания леса, с востока, несколько особняком от села, за рекой, высились старые дубы, росшие на сельском кладбище.

Прежде чем опуститься в долину человек остановился, снял шляпу и, приложив ее к груди, долго стоял, не шевелясь пристально вглядываясь в очертания домов. Сизый туман низко стелился над землей, уже слышны были крики пастухов, гнавших деревенское стадо на пастбище, первые лучи солнца пробивались сквозь черные тучи. Человек надел шляпу и направился в сторону кладбища. В тени огромных дубов сиротливо торчали кресты и белые красноезвездные памятники, большие гранитные плиты над старыми могилами как будто росли из-под земли. Кладбище было обнесено простым деревянным штакетником, ворота, увенчанные крестом, от ветхости покосились.

Человек в сером плаще остановился перед воротами в нерешительности. Он, щурясь, как кот на солнце, посмотрел на крест и улыбнулся, обнажив короткие клыки, белые и острые. Толкнув ногой калитку, он вошел. Незнакомец вдохнул полной грудью кладбищенский воздух, воздел руки к небу и из груди его вырвался долгий протяжный звук похожий на вой волка. Стая ворон, облепившая ветки дубов, испуганно метнулась ввысь.

* * *

Священник Венедикт Герусов произнес последнее «Аминь» и закрыл молитвослов. Он посмотрел на строгий лик Спасителя и истово перекрестился. Большая восковая свеча догорала в подсвечнике перед иконой великомученика Георгия Победоносца, сквозь темные шторы пробивались лучи солнца, воздух был наполнен запахом ладана. Отец Венедикт устало опустился в кресло. Долгие часы молитвенного стояния давали о себе знать: ныла спина, болели ноги. В дверь постучали, и отец

Венедикт услышал нежный голос жены: «Батюшка, к тебе уже можно войти?» «Да, да, Поленька, войди!» — тут же ответил отец Венедикт. Дверь отворилась и на пороге появилась жена Герусова матушка Полина: маленькое, пухлое создание, с округлым лицом и копной пышных черных волос, всегда заплетенных в большую, толстую косу. Она прошла вдоль длинных полок с книгами и присела на край дивана напротив мужа. Ее белое платье очень шло ей, оно как будто подчеркивало всю ее фигуру и придавало ей какую-то особенную привлекательность. Влажные, миндалевидные глаза, исполненные всегдашней, какой-то затаенной грустью, испытывающе смотрели на батюшку. Певучий голос завораживал и приводил в трепет. Она спросила:

— Поедешь ли ты сегодня в Рипецк?

— Да, Поленька, поеду нужно привезти свечи. Если тебе что-нибудь нужно, говори.

— Да, милый, привези, пожалуйста, новую игрушку для малыша.

— Хорошо, мой друг, я привезу. Приготовь что-нибудь на завтрак, а я пойду, отслужу молебен святителю.

Отец Венедикт надел подрясник и вышел из комнаты. Храм святителя Николая Чудотворца находился рядом с домом священника. Храм — обычная крестьянская изба, только большая и с серебристым куполом-главкой над крышей. Храм выкрашен в голубой цвет и находился в самом центре села. К нему вели все улицы Сыравели. Двери церкви были уже открыты. Церковный староста Мария Кузминична Мухина ждала отца Венедикта у входа. Сморщенное, желтоватое лицо ее было омрачено какой-то заботой.

— Что случилось, Кузминична? — Спросил Герусов. Мухина подошла под благословение.

— Дурной знак, отец. — Ответила она, и голос ее был как всегда строг и внушителен. Она повела Герусова в церковь. Они прошли длинный притвор и оказались в светлой средней части храма. Здесь на полу, в самом центре, был рассыпан какой-то черный порошок.

— Сажа. Дурной знак. — Разъяснила Марья Кузминична.

— Что ты заладила, дурной знак, дурной знак. Чистила вчера печку, да сажу оставила. Убери лучше! — Оборвал ее Герусов и вошел в алтарь. Мухина недовольно ворча, принялась подметать пол.

* * *

В тот день, утром, часов в семь, к участковому милиционеру с. Сыравель Григорию Петровичу Немирову пришел пастух Лёшка и сообщил, что на кладбище что-то происходит. Он не мог объяснить толком, что именно, но настойчиво просил сходить туда вместе с ним. Еще когда он об этом рассказывал, со стороны кладбища донесся странный звук, похожий на вой и стая воронов черной тучей поднялась к небу. Обеспокоенный всем этим Немиров вместе с пастухом отправился на кладбище.

Дошли быстро, калитка была открыта и трава на тропинке, ведущей в центр кладбища примята. Рядом со старой Ильинской церковью, метрах в семи от нее, шесть дней назад похоронили Фомича, умершего внезапно. Но странное дело: крест над могилой был свален, сама могила разрыта, труп выброшен из гроба и лежал около дерева.

— Глянь, Григорий Петрович, а головы-то у него нет! — Воскликнул Лёша.

Немиров, приложив к носу платок (вонь стояла невыносимая), приблизился к мертвецу: действительно головы не было, ее как будто кто-то оторвал и не только оторвал, но видимо и унес с собой, так как нигде поблизости Немиров головы не обнаружил. С трупом надо было что-то делать, нельзя было оставлять его так валяться посреди кладбища. Участковый вместе с пастухом, преодолевая тошноту, сбросили тело в могилу и туда же свалили гроб с червями.

— Не по — Божески как-то, Петрович, мы его, как падаль. — Замолвил, было Лёха.

— А он и был падалью, — раздумчиво заметил участковый. — Сходи лучше за лопатой, да смотри никому не болтай! — Предупредил он пастуха. Лёха быстро удалился.

Григорий Немиров присел на лавочку в ограде могилы, достал пачку «Беломорканала» и закурил. Стояла какая-то странная тишина, даже шелеста листьев было не слышно, а пения птиц и подавно. Григорию показалось, что как будто, что-то зашевелилось в могиле, он похолодел, и рука невольно потянулась к кобуре. Впрочем, это было лишнее движение, еще со вчерашнего вечера там лежала не початая пачка все того же «Беломорканала», пистолет Петрович оставил в сейфе. Он осторожно подошел к могиле и заглянул за ее край, в гробу лежал Фомич, и голова его была на месте, где она и должна быть, и как будто не шесть дней назад положили его, а только

сейчас. И тут Фомич открыл глаза. Немиров от неожиданности вздрогнул, его как будто кто-то толкнул, стенки могилы стали осыпаться, и Григория потянуло вниз, как в какую-то воронку. В последний момент он успел ухватиться за край ограды, рванулся изо всех сил и смог вылезти из этой воронки. Он отполз в сторону и к удивлению своему обнаружил, что никакой воронки нет, а могила в прежнем своем виде, будто ее никто и не разрывал, только крест так и валялся в стороне.

— Что тут, Петрович! — Прокричал запыхавшийся Лёша, успевший к этому моменту принести теперь уже не нужную лопату. Глаза Лёхи округлились, когда он увидел целехонькую могилу и перепачканного землей участкового. Ни спрашивая, ни о чем друг друга, они вместе, что есть сил, бросились бежать и остановились, только преодолев мост через речку Кару.

* * *

Степан Дмитриевич Серов, директор Сыравельской средней школы, в тот августовский день слышал странный вой со стороны кладбища, но не видел, как воронье взвилось к небу. Он в это время сидел в своем кабинете и разгадывал кроссворд, поэтому и не мог он ничего видеть, слишком занят был. Но вой слышал и от неожиданности вздрогнул. Он что-то напомнил ему, что-то из далекого детства и не очень приятное, но что именно, как не силился Степан Дмитриевич, а вспомнить не мог.

Полчаса спустя в кабинет директора вошел молодой человек в сером плаще и фетровой шляпе. И Серову показалось, что он когда-то видел уже этого человека, но где и когда он опять-таки вспомнить не мог. Молодой человек произвел на Степана Дмитриевича благоприятное впечатление: у него были красивые черты лица, прямой нос, карие чуть с прищуром глаза, черные блестящие волосы, аккуратно зачесанные назад. Серов обратил внимание на то, что нижние края плаща были испачканы грязью, но не придал этому значения.

Войдя в кабинет, молодой человек снял шляпу и вежливо поздоровался. Он представился как Рагнар Васильевич Гандель, выпускник истфака Лакинского университета приехавший по направлению Рипецкого роно в Сыравель учительствовать. Тут же представил все необходимые документы. Степан Дмитриевич предложил Ганделю присесть, а сам принялся внимательно изучать представленные ему бумаги. Между делом пристально наблюдал за новым учителем, тот сидел

неподвижно, положив шляпу на колени. Глаза его были пусты и ничего не выражали, они были совершенно неподвижны, будто у куклы.

— Что ж очень рад, что в наш коллектив вольются новые молодые силы. Надеюсь, мы сработаемся. — Сказал Степан Дмитриевич, отложив документы в сторону

— Я тоже на это надеюсь. — Холодно ответил Гандель.

— Завтра приступайте к работе. Оформите документы в отделе кадров. Особенности учебного процесса уточните у нашего завуча, Надежды Андреевны. И еще такой вопрос, где вы будете жить?

— В доме Обесхозова. Игнат Иванович Обесхозов дед моего лучшего друга Николая Кавалерова, он разрешил мне жить в доме его деда, дал ключ.

Брови директора удивленно поползли вверх, он переспросил:

— В доме Обесхозова? Но ведь дом давно пустует, Игнат Иванович лет десять как умер, а внук его пропал безвестно и от него никаких известий, мы уж думали, что и он умер.

— Да нет, жив, здоров Коля, скоро и сам приедет, а дом я приведу в порядок

Рагнар Гандель встал, надел шляпу и молча вышел. Степан Дмитриевич был удивлен без меры и даже несколько обеспокоен. Он вспомнил историю дома Обесхозовых во всех деталях. Дом действительно принадлежал Игнату Обесхозову. Жил он в нем с матерью, когда началась война, ушел на фронт. Через год мать получила похоронку на сына. От горя она вскоре умерла, а Игнат спустя десять лет после окончания войны вернулся в село. Объяснил он свое долгое отсутствие тем, что попал в плен к немцам, потом еще угодил в наш лагерь в наказание за лагерь немецкий, а похоронку прислали из части, посчитав его погибшим. Все тогда обратили внимание на то, что за 15 лет, пройдя через войну и лагерь, Игнат внешне никак не изменился: когда он уходил, ему было 25 лет, вернулся ему как будто столько же: лицо чистое без морщин и ни одного седого волоса.

Через три года после возвращения Игната убили. Труп нашли в его собственном доме с перерезанным горлом. Игната похоронили, а дом заколотили досками. У Обесхозова не было наследников, правление колхоза предлагало желающим занять пустующий дом, но никто почему-то не захотел. Дом внушал смутное беспокойство: в нем никто не жил, но он казался жилым, он даже не ветшал, и трава вокруг него не росла.

Степан Дмитриевич в те времена был еще совсем молодым учителем, и, пожалуй, только он обратил внимание еще на одно обстоятельство: после возвращения Игната в селе стали появляться и другие невозвращенцы разных войн или те, от кого известий давным-давно не было: вернулся Степаныч пропавший еще в первую мировую, Людмила Корягина уехавшая в 20-е годы на строительство ГЭС. Все они недолго жили в Сыравели, как правило, их также, как и Игната находили в собственных домах с перерезанным горлом, а потом они благополучно оказывались на местном кладбище. Череда этих странных смертей пришлась, как раз на конец 50-х и начало 60-х годов и так и не была выяснена их причина, а потом о них забыли. Серову в то время даже пришла в голову мысль, что все эти люди только для того вернулись в село, чтобы, в конце концов оказаться на Сыравельском кладбище, но все это было только догадки смутные и неясные. Дом хранил некую тайну, смысл которой не всем дано было знать, и вот теперь появляется Рагнар Гандель, чтобы жить в этом доме.

Степан Дмитриевич решил, что его долг сообщить о своих подозрениях участковому. Он набрал номер телефона Немирова, но в трубке услышал только протяжные гудки — Григория Петровича на рабочем месте не было.

«Стоп!» — внезапная мысль поразила мозг директора школы, и то, что беспокоило и где-то в подсознании сидело, не выплывая до сих пор, так как было достоянием далекого прошлого, вдруг ясно высветилось. Воспоминания бывают убийственны, а память предательски страшная вещь. Но все же Серов не дал уйти этим воспоминаниям в бездны подсознания. В те времена, когда череда странных убийств посетила Сыравель, а дом Обесхозова становился тем местом, которое обходили и даже старались не бросать в его сторону неосторожных взглядов, как будто он таил смертельную опасность, Степан Серов каким-то внутренним чутьем догадался, что дом и эти убийства как-то связаны. И однажды вечером, прекрасным августовским вечером 1963 года, проходя мимо дома Обесхозова, он заметил свет в окошке. Движимый любопытством он подошел к дому, заглянул в окошко и увидел их всех: Игната и Степаныча, Людку, Кавалерова и многих других имен, которых он и не знал. Они сидели вокруг стола, и среди них своим видом выделялся человек в сером плаще и фетровой шляпе. Серый незнакомец заметил молодого учителя, и Степан Дмитриевич прочел в холодных и пустых глазах его свой приговор, дни теперь его были сочтены и конец predetermined. Степан Серов убежал тогда в ужасе от дома и больше никогда не подходил к нему. С годами все забылось, и вот теперь человек в сером плаще

снова пришел.

Обеспокоенный всем происходящим Степан Дмитриевич запер свой кабинет и быстрым шагом направился в сторону церкви. Внутренне он был уверен, что дни сочтены не только его, и надо было что-то делать, но что? Инстинктивно он чувствовал, что необходимо обратиться к священнику, хотя Серов и не считал себя верующим. Но боль свою и обеспокоенность он не успел донести до отца Венедикта. Спустя час, после того как он покинул свой кабинет, участковый милиционер Григорий Петрович Немиров обнаружил труп Серова на навозной куче за колхозными сараями с перерезанным горлом.

* * *

«Идите и научите вси языцы» — отец Венедикт дочитал текст Евангелия и услышал вой, доносившийся со стороны кладбища. Он вздрогнул, закрыл книгу и начал кадить храм. Необычный звук вывел его из оцепенения, в которое он обычно впадал, когда служил молебен и заставил внутренне встrepенуться. Герусов отчетливо вспомнил ту ночь два года назад, когда его красавица жена сошла с ума. Тогда они еще спали вместе и в томящих объятиях любви еще надеялись зачать новую жизнь. Измученный страстью жены, глубокой ночью Герусов уснул, и когда тьма ночи уступила место первым проблескам утра, он был разбужен таким же страшным и протяжным воем, звучавшим где-то совсем рядом. Вой этот слился с пронзительным криком Полины бившейся на полу в конвульсиях какого-то странного припадка. Отец Венедикт с трудом успокоил ее и она, открыв глаза произнесла только одну фразу: «Он пришел!» Потом она спала до обеда, а проснулась совсем другой Полей: сначала долго не могла узнать своего мужа, а затем стала говорить о каком-то младенце и требовать, чтобы отец Венедикт купил ему одежду, если он начинал перечить ей, она билась в истерике и истошно кричала. Герусову приходилось выполнять все ее причуды: он покупал одежду для ребенка, молочные смеси, игрушки. Полина нянчилась с игрушечным медвежонком и считала, что у нее сын. Иногда она подвешивала его за шею, радовалась, смеялась, хлопала в ладоши и кричала отцу Венедикту: «Батюшка смотри, я его повесила!»

Герусов молился о жене, но ничего не менялось, она не становилась прежней и страшно боялась его прикосновений к ней. У нее появилась способность предвидеть будущее, но то, что она

говорила, приводило в ужас, хотя Герусов и понимал, что будущее действительно не так прекрасно, как хотелось бы.

Отец Венедикт прочел последнюю молитву, приложился к частице мощей свт. Николая, которая была помещена в маленьком ковчежце пред иконой в правом приделе, и покинул храм. В дверях он столкнулся со старостой, она сказала:

— Слыхал, батюшка, вой, никак волкалак объявился?

— Какой волкалак, Кузминична? Что ты несешь. — Возмутился Герусов.

— Такой, что мертвых людей кушать любит.

Мухина окинула священника суровым взглядом и отправилась мыть полы в храме.

Дома уже был готов завтрак. Отец Венедикт проглотил яичницу, зажаренную с красным болгарским перцем, выпил стакан молока. Все это время Полина сидела рядом за столом и сосредоточенно разглядывала свои ногти, когда он встал, помолился и направился к двери, она спросила:

— Уже уезжаешь?

— Да.

— Не забудь о моей просьбе.

— Конечно.

Герусов снял с вешалки синий подрясник, одел его. Полина подошла к нему, взяла его за руку и впервые за два года поцеловала в губы

— С Богом, — сказала она и, помолчав, прибавила, — прикосновение к девочке — это смерть. Помни об этом.

* * *

Осматривая место, где убили Серова, Немиров обнаружил серую фетровую шляпу. Она валялась метрах в пяти от кучи навоза, на которой лежал труп директора школы. Участковый заподозрил неладное, ему показалось, что все это неспроста, кто-то водит его за нос. Его подозрения еще больше усилились, когда завуч школы сообщила, что шляпа принадлежит новому учителю школы Рагнару Ганделю, она же сказала о том, что Рагнар поселился в доме Обесхозова. У Немирова теперь не было никаких сомнений — здесь какая-то ловушка и убийство

связано с утренним происшествием на кладбище. Григорий вернулся в участок, взял из сейфа пистолет запасную обойму к нему и отправился к дому Обесхозова.

Он спрятался в огромных лопухах росших метрах в десяти от дома и стал ждать. Дверь в доме была приоткрыта, доски, которыми были когда-то заколочены окна, сняты. Просидев так с полчаса, Немиров и сам не заметил, как стал засыпать. И виделся ему сон: как будто его бабушка, которая умерла лет 10 назад, жива. Она сидит в своем старом доме в столовой на стуле, и рассказывает Григорию любимую им в детстве сказку о навьях:

— И вот, Гриша, акрамя людей есть еще навьи.

— Это как, бабушка, -спрашивает маленький Гриша Немиров.

— Это когда человек умирает и приходит к нему наиглавный из навьев и угрызает его. Навьи кушают мертвых людей, без того они жить не могут. А живых они могут поцеловать, и те становятся, и не живыми, а и не мертвыми, нелюдями, одним словом. И вот супротив навьев и нелюдей есть только одна защита — Церковь. Пока в церквах попы служат, да святой водой людей кропят, крестом осеняют, исповедь принимают навьи лежат себе спокойно в земле и не шелохнуться. А как церкви закрывают, и святое место сквернят, тут уж навьи и повылазят, а поначалу главнейший из них — Серый. И тогда от них никакого спаса не будет.

Эти последние слова, сказанные басом, разбудили Григория Петровича. На улице было темно, в одном из окошек дома горел свет. Немиров осторожно покинул свое убежище в лопухах и подошел к дому. Он заглянул в окно и увидел человека в сером плаще. Человек этот был занят каким-то делом: он стоял в самом углу комнаты и как-будто что-то складывал там. Сначала Григорий не мог понять, что именно он складывает, так как комната была слабо освещена. Но, взглядевшись, Немиров сообразил, что незнакомец аккуратно складывал трупики детей, завернутые в целлофан. Он клал их друг на друга, как укладывают дрова в поленицу. Привычным движением участковый вынул пистолет из кобуры, снял с предохранителя, рывком открыл дверь, держа пистолет в вытянутых вперед руках, со словами: «Не двигаться! Руки за голову!», ворвался в дом. Гандель встретил его удивленным взглядом, он спокойно сидел за единственным в комнате столом и что-то писал в толстую тетрадь. Никаких трупов детей не было и в помине, комната была абсолютно пуста, из мебели только этот самый стол, да единственный стул.

— Здравствуйте, Григорий Петрович! — Произнес Рагнар и улыбнулся.

— Откуда вы знаете мое имя? — Спросил Немиров, все также держа в руках пистолет.

— Вас здесь все знают.

— А где дети?

— Какие дети? — Сказав это, Рагнар встал из-за стола

— Я видел, как вы их складываете в углу. — Не сдавался Немиров.

— Посмотрите, здесь ничего нет, — Рагнар обвел рукой комнату, как бы показывая, что в комнате действительно ничего нет.

— А шляпа? Не теряли ли вы шляпу? — Это был последний аргумент Григория Немирова.

— Моя на месте. — Рагнар указал на серую шляпу, висевшую на гвозде.

Григорий Петрович опустил пистолет. Он был растерян и не знал, что делать дальше.

— Да вы не расстраивайтесь, вы его обязательно найдете! — Успокоил Немирова учитель.

— Кого?

— Ясное дело убийцу. — Ответил Рагнар и взгляды их встретились, на мгновение в глазах его вспыхнул огонек ярости и страх охватил все существо Григория Немирова, но потом все стало как прежде, и Рагнар спокойно спросил:

— Вы лучше, Григорий Петрович, скажите мне, знали ли вы лично своего предшественника Василия Никитича Кавалерова?

— Да, я его хорошо знал.

— А не оставил ли он после себя каких-нибудь записей, ничего вы не находили?

— Да, что-то такое есть в сейфе, а что?

— Нет, нет ничего, просто я знал его внука, а он интересовался, не осталось ли чего от дедушки.

Немиров недоверчиво посмотрел на учителя и убрал в кобуру пистолет. Рагнар протянул для прощания руку, но Григорий Петрович почему-то не захотел подать своей. Гандель криво усмехнулся, и Немиров молча вышел из дома Обесхозова.

* * *

Отец Венедикт возвращался из Рипецка, когда уже темнело. Старый «жигуленок» подпрыгивая на ухабах, скрипел и раскачивался. Дорога из Рипецка в Сыравель в этот час была пуста. Вдоль нее раскинулись кукурузные поля, и только далеко впереди виднелся лес, за которым и скрывалась Сыравель.

Километра за два от села, отец Венедикт увидел девушку, идущую вдоль дороги в направлении Сыравели. Одета она была в красное платье. Герусова удивил фасон этого платья: длинное, почти до пят, рукава полностью закрывали руки, а воротник поднимался под самый подбородок. Герусов притормозил, не доезжая до незнакомки метров десяти. Она остановилась и, не поворачивая к нему головы, спросила:

— Вы хотите меня подвести?

— Да, если желаете, садитесь в машину.

Она повернулась, пошла в его сторону, и он ясно разглядел ее лицо: красивое, с тонкими чертами, необыкновенно белой кожей и зелеными глазами, смотрящими ровно и почти неподвижно. Длинные светлые волосы ниспадали на ее плечи. Незнакомка села в машину.

— Куда вас доставить? — Спросил отец Венедикт.

— Мне нужно в Ново Чемоданово.

— Это не совсем мне по пути, но я вас довезу.

— Довезите до перекрестка, а дальше я сама дойду.

Сказано это было тоном, не принимающим никаких возражений. Отец Венедикт обратил внимание, что на ее платье нет никаких застежек или пуговиц. Он подумал: «Интересно, как она его снимает?» Незнакомка как будто услышав его мысли сказал:

— Ужасно не люблю застежек на платьях, на моем их нет, но, когда нужно я сумею его снять, уж поверьте мне.

— Как вас зовут? — Смущенно спросил Герусов.

— Ксения Попова. А вы кажется священник?

— Да.

— Вы же лакинский университет закончили? — вдруг спросила она.

— Ну да.

— Я тоже. И я вас помню.

Отец Венедикт на мгновение оторвал взгляд от дороги и взглянул на нее, как будто пытаюсь вспомнить.

— О, нет, нет, не пытайтесь вспомнить меня. Старшекурсники редко помнят тех, кто поступил на первый курс, да и мы практически не пересекались. А потом, я с тех пор сильно изменилась.

Она вдруг пристально посмотрела на священника и тот ощутил, как она смотрит, хотя и не поворачивал головы в ее сторону.

— А вы хотели бы изменить свою жизнь? — спросила она. Но ответа не стала дожидаться. Она неожиданно коснулась рукой его щеки. Герусов резко притормозил. Ксения посмотрела в окно и сказала:

— Я выйду здесь.

Девушка вышла из машины и быстро исчезла в темноте. Правая щека отца Венедикта, к которой прикасалась Ксения, на мгновение онемела. Герусов продолжил путь, до села оставалось совсем немного. Наступала ночь.

У самого моста через Пну за которым начиналось Ново Чемоданово Ксению ждал Рагнар Гандель. Ксения подошла к Рагнару и склонив голову сказала:

— Он готов, Повелитель, и теперь сделает предначертанное.

— Хочется верить и я рад, что ты сделала все как надо. Все началось. А покинул ли город наши ученые друзья?

— Они на полпути к Рипецку.

— Мы позаботимся о них.

Из-за туч вышла полная луна, ее тусклый, мертвенный свет упал на берег реки и высветил тех, кто там стоял, некогда людей. Их было много, длинные вереницы с серыми лицами, одетыми в серые одинаковые робы, глаза их пылали, излучая неистребимую ненависть ко всему живому. Вид их был ужасен, и смрад исходил от них.

* * *

Утро августа семнадцатого дня выдалось безоблачным и ясным, ни одна тучка не напоминала о дожде, и день обещал быть знойным. Первые желтые листья, иссушенные солнцем падали в пыль дорог и сбивались небольшими кучками вдоль обочин. Ранним утром город Лакинск пустынен и жалок, как всегда в своей повседневности. Немногочисленные, в столь ранний

час, лакинцы спешили по грязным улицам города, чтобы успеть совершить какие-то свои суетные дела.

Таня Кунина, Андрей Орфеев и Юрий Почепов почти одновременно покинули свои дома и квартиры, чтобы совершить путешествие в Сыравель. Все еще можно было изменить: поставить книгу в сиреновом переплете на полку и забыть о ней и о том, что в ней написано или вообще все оставить и заняться своими обыденными делами. Но нет! Их что-то влекло разгадать тайну, которую они возможно и не должны были знать.

Они с разными чувствами покидали свои дома: Андреем и Юрием владела страсть познать, узнать и разгадать, несмотря ни на что ту тайну, которую хранила книга, эта страсть сродни безумию. Таня же была охвачена жутким страхом и черными предчувствиями — этой ночью ей приснилось, что ее как — будто кто-то душит шнуром от утюга.

Все трое прибыли на автовокзал к шести часам утра, за час до отправления первого автобуса на Каркашанск. В Каркашанске нужно было делать пересадку или же, в крайнем случае, ночевать там, если не успеют на рипецкий автобус.

Старый лакинский автовокзал представлял собой низкое, квадратное здание, с зарешетчатými окошками. Внутри помещение вокзала было заблеванное и загаженное, а с наружи выкрашено в бледно-желтый цвет. Серый и желтый — эти цвета господствовали в городе.

Друзья молча сидели на скамейки у каркашанской платформы и терпеливо ждали автобус. Медленно подходил народ: старые бабы с обвисшими титьками, бледные худые дети с испуганными глазами, полысевшие горбатые старики, девицы развратного вида и парни больше похожие на жеребцов. Все они были каркашанцами, приехавшими в Лакинск по делам и теперь равнодушно покидавшие его, оставляя ему свои жалкие тени, которые он будет хранить, и помнить вплоть до своего полного разрушения.

Наконец, к платформе подъехал старый «Лиаз», двери его открылись, и пассажиры стали входить в автобус. Все чинно уселись по своим местам, двери захлопнулись, и машина резко рванула вперед. Таня Кунина устроилась на последнем ряду около окна, впереди она сидеть не любила. Андрей с Юрием заняли места в середине.

Автобус, с быстротой метеора пронесся по пустынным улицам Лакинска и выехал на каркашанское шоссе. За окном потянулись виды бесконечных полей. Двигатель автобуса надсадно урчал

и Тане начало казаться, что она как будто засыпает. Стало вдруг резко темнеть, тучи низко стелились над землей, и сильный ветер гнул вершины деревьев, растущих в посадках вдоль дороги. Таня встала с кресла и с удивлением обнаружила, что автобуса был пуст, все пассажиры куда-то исчезли. Она осторожно прошла по салону заглянула в кабину водителя. Место его было свободно, руль беспомощно крутился в разные стороны. Чья-то невидимая рука двигала рычагом переключения скоростей. Неожиданно кто-то схватил ее за правую руку в том месте, где у нее образовались язвы. Она вскрикнула от боли и резко повернулась. Перед ней стоял человек в сером плаще и фетровой шляпе. Лица его было не видно, оно скрывалось в тени широких полей шляпы. Таня услышала, как незнакомец сказал ей: «приди к нам, мы ждем тебя!» И тут она проснулась и увидела, что за окнами автобуса по-прежнему светит солнце, пассажиры оживленно переговариваются, а из динамиков автомагнитолы льется веселая музыка.

* * *

Следующий день после поездки в Рипецк начался для отца Венедикта с неприятной новостью: его бабушка Мария Константиновна серьезно заболела, и желала видеть своего внука немедленно. Новость принес пастух Лёшка, он был чем-то явно озабочен и взволнован и, даже не захотел зайти выпить стакан чаю.

— Что — то случилось? — Спросил его отец Венедикт.

— Митрича убили. — Ответил Лёшка и быстро удалился.

Сергей Дмитриевич Мамонов был главой местной сельской администрации, человеком добрым и отзывчивым. «Вторая смерть за последние сутки и почему-то никого не приносят отпевать» — подумал Герусов, но пока решил не вникать в эти дела, а съездить навестить баб Машу. Она жила в селе Ярлукове, расположенном километрах в двух на север от Сыравели. Ярлуково разделялось на две части огромным оврагом, дно которого весной наполнялось водой, а берега густо поросли ивой и осиной.

Небольшой деревянный дом баб Маши находился на окраине села, в стороне от других домов, и очень близко к обрывистому берегу оврага. Баб Маша — полная круглолицая старуха лет 70-ти. Когда-то, в молодости, считалась первой красавицей на селе, но замуж так и не вышла. Говорили, что у нее был роман с местным учителем Михаилом Нуровым, но он ничем

так и не закончился, потому что Нуров повредился умом и угодил в психушку. С середины 1960-х гг. баб Маша была полностью поглощена воспитанием своей приемной дочери Марии. В сущности, на это ушла вся ее молодость. Мария была сиротой, воспитывалась в Рипецком детском доме, а баб Маша работала там одно время нянечкой, девочка ей приглянулась, и она ее удочерила. Мария выросла и уехала в Лакинск. Там выучилась на врача, потом от кого-то забеременела, родила Венечку, привезла годовалого ребенка своей матери, снова уехала в город, заболела и умерла.

Известие о болезни бабушки сильно встревожило отца Венедикта. Он с некоторым беспокойством переступил порог дома своего детства и сразу окунулся в знакомую атмосферу той счастливой поры, когда редко задумываешься о жизни, все кажется устойчивым и неизменным. Миновав обширную столовую и зал, отец Венедикт оказался в комнатке, которая служила спальней бабушке. Здесь стояла одна кровать, тумбочка и стул. Больше в этой комнате ничего и не вместились бы, настолько она была мала. Баб Маша спала. На тумбочке лежала стопка журналов «Огонек» за 1967—1968 гг. Отец Венедикт открыл один из них, пролистал, и увидел, что на полях некоторых страниц были записи, сделанный простым карандашом. Почерк был достаточно четким, чтобы можно было прочесть. Отец Герусов сел на стул и стал читать:

«Наше село Ярлуково и Сыравель и еще Пакунакино очень старые, если не сказать древние. Первопоселенцами были неизвестные люди, пришедшие с запада из пределов современной Литвы. В нашем селе существовало предание об этих людях. С разными несущественными различиями я слышал такое же предание и в Сыравели и в Пакунакино и, даже некоторые старые рипчане его помнят. Вот это предание: люди которые пришли с запада были немногочисленны, и они были язычниками, бежавшими от преследования христиан. Предводителя их звали Гандель. Поклонялись они некой богине, которую они называли Матерью и изображение ее поместили в своем святилище на месте современного Сыравельского кладбища. Основателями этих сел были вот эти самые пришельцы, местные аборигены мордва и мещера называли их почему-то оличами, возможно это было самоназвание. Впрочем, пришельцы жили с аборигенами в мире, даже торговали и помогали в разных хозяйственных делах. Но потом стали замечать странную вещь: что каждое полнолуние в каком-нибудь из мордовских сел пропадало 13 молодых девушек. Стали подозревать в похищениях оличей, подстрекали мордвинов и жрецы бога Вяшке-па, которые вполне обосновано, видели в пришельцах

своих конкурентов, тем более те поклонялись враждебной Вяшке-па богине. Однако выступить открыто против оличей мордовские вожди не решались, так как те были умелыми и сильными воинами. В то время в Урлюкинских лесах обитала шайка разбойников, руководил которыми свирепый атаман по прозвищу Тяпка (Тяпкину гору, где находился укрепленный городок разбойников, до сих пор показывают любопытствующим в окрестностях Пакунакино). Разбойники эти промышляли тем, что грабили купцов проезжавших по Рипецкому шляху».

Далее запись обрывалась, и шел рассказ о текущих делах, о видах на урожай, о новых сортах яблонь, выведенных Пахомычем, вообще своеобразная ярлуковская летопись. Отец Венедикт был так увлечен чтением, что не заметил, как проснулась баб Маша, поэтому, когда она спросил его: «Что, прочитал?» — он от неожиданности вздрогнул и ответил:

— Да, но здесь нет продолжения.

— Остальное написано в другой подшивке за 1969—1970 гг. Эти подшивки Миша отдал Пакину.

Баб Маша с трудом встала с постели, на протестующие жесты Герусова отмахнулась, и прошла к комоду. Она открыла верхний ящик, где как знал отец Венедикт, хранилась единственная ее ценность: письма ее жениха Михаила Нурова. Она достала лист бумаги, сложенный вчетверо и отдала его отцу Венедикту.

— Как выяснил мой Миша, Тяпка ушел в Вашинский монастырь, стал монахом, а вскоре там и умер. Монастырь этот был закрыт еще в XVIII в. и долгое время никто не знал, где он находился, Миша отыскал это место и составил схему с помощью, которой туда можно добраться, но сам сделать этого не успел. Отец Венедикт развернул листок, на нем была вычерчена достаточно подробная карта, выполненная в масштабе 1 к 75 м.

Герусов пробыл у бабушки почти до вечера. Она пыталась встать, хотела приготовить ему ужин, говорила, что ей лучше, но отец Венедикт не разрешал ей. Собственно, она не могла объяснить ему толком, что у нее болит, но в больницу категорически ехать не хотела, уверяла, что у нее все пройдет к завтрашнему дню. Когда наступили сумерки, священник уехал. Баб Маша осталась одна в своем доме и не двигаясь, лежала на кровати. Она чувствовала, что ей после встречи с внуком стала значительно лучше и теперь уже можно встать для того, чтобы хотя бы закрыть дверь.

За окном совсем стемнело, и в комнатах царила непроницаемая тьма. Почему-то вдруг стало совсем тихо: неслышно было лая

собак, стрекотание сверчка, шума деревьев и завывания ветра. Скрипнула дверь, и звук чьих-то осторожных шагов нарушил странную тишину. Баб Маша медленно сползла с кровати и, забравшись под нее, замерла. Тот, кто вошел, приближался. Чужак миновал столовую, потом зал и вошел в спальню. Из-под кровати она видела только ноги незнакомца в серых брюках и черных ботинках. Гость в нерешительности остановился. Порылся в бумагах, лежащих на тумбочке, заглянул в самую тумбочку. А потом, по-собачьи с шумом втянул воздух в ноздри, как будто принюхиваясь. Он наклонился, заглянул под кровать, а баб Маша увидев его лицо, освященное светом неожиданно выплывшей из-за туч луной, в испуге закричала и позвала на помощь. Но никто не слышал ее крика, даже она сама, воздух как-будто сгустился, поглощая все звуки. Чужак схватил баб Машу за волосы и потянул, заставляя ее вылезти из-под кровати. Все еще крича от боли и страха она выползла на четвереньках, обхватила руками ноги незнакомца, и укусила его за лодыжку, прокусив ткань серых брюк. Незнакомец не издал ни звука, но хватка его на мгновение ослабла, что дало некоторый шанс его жертве. Баб Маша проявив необычную для ее возраста подвижность, резко встала и тут же оказалась в углу комнаты, под иконами, которые тускло освещал мерцающий огонек лампы. Она схватила небольших размеров погребальный крест, лежащий на прибитой к стене полочке и, выставив его перед собой, сказала:

— Не подходи!

Чужак в нерешительности остановился. Черты лица его изменились и приобрели человеческое обличье. Баб Маша, взглядываясь в это лицо, освященное лунным светом, спросила:

— Это ты что ли, Рагнар!

— Я, Мария, чего ты испугалась. Опустит крест то. Я поговорить пришел.

— Еще чего! Никто тебя не боится. — Воскликнула баб Маша, и не выпуская креста из рук, вдоль стенки прошла к выключателю и включила свет. Человек в сером плаще был Рагнаром Ганделем, он стоял посреди комнаты, беспомощно озираясь. Его волосы, зачесанные назад, поблескивали на свету, как-будто они намазаны были каким-то гелем.

— А ты помолодел. — Заметила баб Маша усаживаясь на кровать.

— Чего не скажешь о тебе. — Съязвил Рагнар и улыбнулся, обнажив пару недлинных клыков. Он подошел к ней и положил руки на ее плечи. Прикосновение Ганделя преобразило ее:

она выпрямилась, исчезла старческая тучность, морщины на лице разгладились, волосы налились новой силой и стали пышными и шелковистыми, груди упругими, талия истончилась, теперь это уже была не старуха, а девушка лет двадцати, прежняя красавица Мария Шлеина в которую влюблялся всякий встречавший ее мужчина.

— Ты можешь остаться такой, — предложил Рагнар. — Но при условии, если ты станешь помощницей или хотя бы союзницей в том деле, которое я призван осуществить. Отдай мне записи твоего жениха, и я буду считать, что ты на моей стороне.

Некоторое время она обдумывала сказанное, Рагнар ждал ее ответа.

— А зачем тебе, Рагнар, эти записи, ведь ты и так все знаешь.

— Кое-что я все же забыл.

— И ты пришел ко мне, чтобы вспомнить?

— Не вспомнить, а понять.

— Значит ты не совсем тот Рагнар Гандель, которому много лет назад мы влили в глотку целый литр святой воды, а я всадила в твое сердце, вот этот самый крест!

С этими словами баб Маша ударила Рагнара крестом по лбу. Тот вскрикнул, схватился за голову руками и с диким воем отскочил от нее. Баб Маша кинулась к окну и, высадив плечом стекло, кубарем выкатилась на улицу. Быстро вскочив на ноги, она бежала, по дну оврага к домику матушки Кули, понимая, что там упырь не может причинить ей никакого вреда. Она чувствовала, что он преследовал ее и его мерзкое дыхание чувствовалось, где — то совсем близко. Но порог спасительного дома был недалеко, и она добралась до него раньше, чем настиг ее Рагнар. К этому дому он не мог приблизиться ближе, чем на десять метров. Он понимал это и еще долго сидел на земле недалеко от дома, наблюдая за ней. Глаза его злобно светились желтым огнем во тьме. И только с пением первых петухов, он ушел, мерзко выругавшись и пообещав разорвать баб Машу в клочья

* * *

В Каркашанск друзья приехали около часа дня. На вокзале узнали, что автобус на Рипецк ушел полчаса назад, а следующий ожидается только завтра утром. В Каркашанске оставаться

никому не хотелось. Старый купеческий город был неказист и носил печать какой-то обреченности и никчемности. Повсюду лежала толстым слоем красноватая пыль, что придавало городу унылый вид. Стены многих домов покосились и крыши прохудились. Каркашанцы как-то по-особенному озлоблены и были готовы кинуться в драку, даже без всякого повода. Только огромный белый собор, возвышавшийся над рекой, немного скрашивал общую картину, но и он был как-то неуместен в своей величавости и огромности в этом жалком городе.

Путники решили ехать до села Носины, а оттуда добираться до Сыравели. В пути планы друзей изменились, так как они понимали, что врядли смогут сегодня добраться до монастыря, а дело, между тем, шло к ночи, надо было озаботиться о ночлеге. А пешком, как утверждал Почепов, от Носин до Сыравели не больше получаса ходу. Автобус до Носин отправлялся ровно в два. Маленький «пазик» был полупустым. На передних креслах разместились две старухи в одинаковых черных платках. Они заставили своими огромными корзинами весь проход. На задних сидениях сидели толстозадые девицы. Их жирные лица были покрыты толстым слоем косметических средств, а жидкие крашенные волосы свисали неряшливыми космами неестественно оранжевого цвета, огромные сиськи выпирали из блузок, толстые жопы были затянуты в узкие облегающие штаны. Девицы беспрестанно грызли семечки, выплевывая шелуху на пол, смеялись и о чем-то говорили. Речь их была непонятна, так как настолько насыщена матом, что казалось, говорили они по-литовски.

Водитель проверил билеты, закрыл дверь и автобус отправился в путь. Сначала ехали по шоссе. Унылый однообразный пейзаж (поля посадки, посадки поля) утомлял, наконец, свернули на проселочную дорогу. Автобус подпрыгивал на всех кочках, его мотало из стороны в сторону, пыль проникала через щели в салон, и становилось трудно дышать. Но всякое мучение на земле должно когда-нибудь кончаться, чтобы продолжиться в аду, кончилось и это: машина остановилась на окраине большого села Носины. Двери открылись, автобус выплюнул друзей из своей утробы и продолжил свой путь дальше.

Носины типично русское село: дома построены с особым раздолбайством и без всякой системы разбросаны по участку земли размером с небольшой японский город. Жилые постройки вполне основательны, но чрезвычайно по своему внешнему виду грубы и почему-то абсолютно все серы. Причем половина их были необитаемы. Черные глазницы окон смотрели на мир

и ждали новых поселенцев: курдов, турок-сельджуков или китайцев.

Почепов, который подал эту мысль добраться до Носин, был явно растерян. Еще в Каркашанске он уверял своих друзей, что сразу от Носин будет видна главка сыровельской церкви, но в реальности все оказалось совсем иначе: вообще было непонятно, в какой стороне находится Сыравель. Ничего не оставалось делать, как идти в село и узнавать путь, но чем дальше они шли, тем больше им казалось, что село абсолютно вымерло и только одичавшие кошки да собаки теперь его единственные обитатели. К счастью увидели около одного из домов какого-то деда, притомившегося на скамеечке. Он долго с тупым видом слушал объяснения Андрея, потом Юрия и молчал. Потом, видимо поняв, что от него хотят узнать, оживился и, показав рукой куда-то на юг, сказал: «Идите туда!»

Друзья поплелись в указанном направлении. Вскоре они миновали село и вышли в поле. Дорога, шедшая через поле, выводила еще к одному селу, расположенному на холмах. Оно едва виднелось сквозь легкую дымку. Справа от дороги текла река Пна, а за ней, но далеко, белела колокольня Ново-Чемодановского монастыря. Домов Сыравели так и не было видно. Пришлось идти ориентируясь на монастырскую колокольню. Никто не ожидал, что окажутся в такой глуши без еды и без нормальной возможности мягко поспать. Решили немного отдохнуть и подумать, что делать дальше. Андрей предлагал идти в село, которое расположилось на холмах, и там искать ночлег. Юра соглашался с тем, что в село идти надо, но не ночлег искать, а человека, который переправил бы их через Пну. Таня поддержала Юрия, он и пошел в село. Вернулся Почепов через четверть часа в сопровождении какого-то мужика, одетого в старый, засаленный во многих местах заштопанный, серого цвета пиджак и мешковатые черные брюки. Его невзрачное коричневое цвета лицо все было покрыто угрями и гниющими ранами. Юра объяснил, что этот человек беретя переправить их на другой берег реки. Мужичок, подтверждая слова Юры, кивнул и повел их к берегу реки. Там, в кустах ивняка у него была спрятана лодка. Все поместились в ней и достаточно быстро переправились через реку. Греб мужичок веслами мощно. Ловко маневрируя, подвел лодку прямо к небольшому мостку на другом берегу. Взял с друзей сто рублей за труды и отплыл, напоследок улыбнувшись и обнажив ряд черных гниющих зубов. С этого берега Пны монастырь был уже хорошо виден: четко выделялся красивый пятикупольный храм и белая стена, опоясавшая монастырь. Дорога среди кустов вела прямо к нему.

* * *

В тот день отец Венедикт встал раньше обычного и не успел до конца дочитать молитвенного правила, как услышал настойчивый стук в окно своего кабинета. Приблизившись, он увидел взволнованное лицо своей бабушки, которая знаками показывала ему, чтобы он открыл окно. Он тут же исполнил ее просьбу и баб Маша ловко забравшись в комнату, захлопнула окно, закрыв его на щеколду. Она села в кресло, стоящее рядом с книжным шкафом, подол ее зеленого платья был во многих местах разорван, волосы на голове растрепаны, а на лице застыло выражение крайнего смятения и обеспокоенности. Она тяжело дышала и переводя дух выдала первое слово:

— Они уже здесь!

— Кто? — Не понял отец Венедикт.

— Не спрашивай кто, а лучше скажи, не появлялись ли в селе за последнюю неделю незнакомые люди, и не происходило ли чего-нибудь необычного?

— Ты знаешь, бабушка, я мало интересуюсь тем, что происходит в селе, я же священник, но знаю, что появился новый учитель в школе, произошло два убийства, и кто-то осквернил могилу на кладбище.

— Вот! Подробности этого дела знаешь?

— Ну, там могилу чью-то разрыли. Наш участковый осматривал ее, но я его еще не расспрашивал.

— Венечка, ты мало интересуешься жизнью соей паствы, почему так? — Упрекнула Герусова Мария Константиновна.

— Наверное, ты права, действительно мало. Я на этом приходе уже десятый год и, возможно, у меня просто опустились руки. Все что мне удалось сделать за это время — это восстановить церковь, но и то руками старых людей, никогда не отрекавшихся от Христа. Этих людей становится все меньше. Народ посещает храм мало, попытки мои открыть воскресную школу провалились, а месяца три назад я хотел договориться с директором средней школы о том, чтобы организовать для детей какие-нибудь занятия по основам веры, и ты знаешь, он мне решительно отказал.

— И что же ты собираешься делать дальше, сидеть в своем доме и смотреть, как все гибнет?

— Я решил молиться. Служу каждый день молебен. Года три назад мне удалось заполучить в храм великую святыню — частицу мощей святителя Николая. Мне думается, что настало время для сокровенного внутреннего подвига, и я уединился и отгородился от всех.

— Сейчас время решительных действий, отец! — Строго сказала баб Маша и порывисто встала.

Отец Венедикт, глядя на нее, удивлялся, откуда вдруг у семидесятилетней старухи, еще вчера лежащей чуть не при смерти, появилось столько энергии.

— Давеча я отдала записи моего жениха, но не все рассказала, думала, не пришло время, теперь вижу, что ошибалась.

Она подошла к двери, прикрыла ее поплотнее, заговорщицки посмотрела на священника:

— Ты ведь Веня в детстве любил сказки?

Отец Венедикт утвердительно кивнул.

— А мне мой Миша много их рассказывал, некоторые он и записывал.

— И что мне неизвестно?

— Ни оличы ни Гандель никуда не делись. Их жрец не может умереть. По преданию в древние времена, когда племя оличей кочевало с места на место, они и встретили это существо, которое назвалось служителем древнего божества. Он привел племя сюда, к нам. Они поселились среди местной мордвы и постепенно переманили на свою сторону их всех. Тяпка, он же бывший лакинский князь Георгий Святославич, решил послужить Христу мечом, надеясь искупить свою вину кровью язычников, но заслужил только проклятие.

— А с чего ты решила, что Гандель жив?

— За свою жизнь в Сыравели я видела его уже дважды, когда была маленькой девочкой лет в восемь и после войны.

Отец Венедикт присел на диван напротив баб Маши, которая сидела на стуле взял ее руки в свои и спросил:

— Может тебе это все привиделось?

Мария отрицательно покачала головой. Священник встал и направился к двери, он еще не успел ее открыть как услышал:

— Но самое главное, Веня, каждый раз, когда появлялся Гандель, в селе видели тех, кто давно умер и тех, кто умер

недавно. А некоторые могилы на кладбище были разрыты, а гробы в них пусты.

Отец Венедикт выслушал это и молча вышел из дома.

* * *

Вблизи Ново Чемодановский Никольский мужской монастырь оказался не так внушителен, как виделось это издалека. Невысокие кирпичные стены окружали его. В плане он представлял из себя прямоугольник, по углам которого располагались круглые башни. Внутри этого прямоугольника находилось два храма и несколько корпусов.

Путешественники прошли через святые врата и остановились у единственного действующего монастырского храма — Казанского. Он был двухэтажный, с одним куполком над крышей и портиком в греческом стиле при входе. К дверям храма вела высокая каменная лестница. У самой двери стояла крышка гроба, прислоненная к стене, рядом, на ступеньках сидел молодой человек и наблюдал за друзьями. У него было чуть вытянутое лицо, узковатые глаза, большой некрасивый нос и совсем уродливый кривой рот. Одет он был в видавшие виды джинсы и старый облезлый свитер. На ногах кеды, лысую голову прикрывала зеленая панамка.

— Как нам найти настоятеля? — спросил Андрей.

— А вам он на что?

Парень спустился вниз, поздоровался с каждым за руку, назвал свое имя — Трофим. Потом объяснил, что настоятель, игумен Филипп, сейчас служит панихиду по единственному иеромонаху в монастыре, который вчера попал под машину на каркашанском шоссе, и что надо подождать минут двадцать. Путникам ничего не оставалось делать, как сесть на лавку стоявшей рядом с трапезной, Трофим между тем, занял свое прежнее место у крышки гроба.

Похоже, что в монастыре кроме отца Филиппа и Трофима больше никого и не было: келейные корпуса казались нежилыми, а один из них больше походил на сарай. Территория монастыря сильно захламлена — там и сям лежали кучи строительного мусора, обрезки железа, доски, кирпичи. Второй Никольский храм, походивший на огромный куб с пятью главками, не действовал: на его двери висел большой замок. Наконец из Казанского храма вышел игумен Филипп. Высокий, здоровенный, он напоминал Илью Муромца, дополняла эту схожесть широкая черная

борода, скуфейка, больше походившая на шлем, да подрясник напоминавший длинную кольчугу. Заметив путешественников, отец Филипп издали поклонился им и жестом пригласил их пройти в трапезную. В длинной светлой комнате, стены которой были обложены кафельной плиткой белого цвета, стоял дубовый стол. На стене, перед столом, висел большой портрет Уильяма Бэкфорда. Стол заставлен кастрюлями: одна из них наполнена похлебкой в народе именуемой «казацкой», другая тушеной картошкой с петрушкой и укропом, а в третьей малиновый кисель, здесь же стояла тарелка с жареными карасями и солонки с какими-то приправами.

Ели молча, не смотрели по сторонам, беззвучно жевали. Когда все тарелки были пусты, кисель выпит, настоятель отложил в сторону ложку и спросил:

— Куда путь держите?

Андрей объяснил, кто они такие и зачем идут в Сыравель. Упомянул и о сиреновой книге. Игумен заинтересовался, попросил показать книгу, Юра достал ее из своей сумки и положил перед игуменом на стол. Таня, все это время наблюдавшая за Трофимом, заметила, как он весь напрягся при виде книги и подался вперед, как будто собираясь тотчас завладеть ею. Ей показалось это подозрительным, да и сам Трофим ей не нравился, а игумен Филипп полистав книгу, произнес:

— Вот что я вам скажу, братия, книга сия без сомнения содержит в себе дьявольские письмена и ее следовало бы сжечь, а вы поди ее читали, но, впрочем, отец Венедикт и вправду вам что-нибудь скажет о ней, он человек местный и в этих делах мыслит.

— Это скорее Пакину надо показать — вставил свое слово Трофим.

Отец Филипп метнул на него суровый взгляд, а Юра спросил:

— А кто это Пакин?

— Да краевед местный. Когда-то из нашего монастыря музей хотел сделать. — Ответил Трофим

— Колдун он. — Мрачно заметил игумен.

Настоятель встал и все, кроме Трофима, который стал убирать со стола, вышли на улицу.

— Значит так, — сказал отец Филипп, обращаясь к Андрею. — Вы с Юрой переночуете в рабочем корпусе, а девушку Трофим

ответит к Пакину, у него для нее место найдется. Потому что не подобает женщине ночевать в мужском монастыре.

Игумен велел Тане ждать Трофима, а с Андреем и Юрой направился к корпусу, который располагался за Казанским храмом прямо около монастырской стены. В корпусе была только одна большая комната. В ней стояли железные кровати с матрасами одеялами и грязными подушками.

— Переночуете здесь, — объяснил игумен и хотел было уйти, но Орфеев остановил его:

— А может, мы все же дойдем до Сыравели? — робко замолвил он. Отец — игумен остановился на пороге, окинул друзей суровым взглядом и сказал:

— Опасно у нас нынче ночами ходить. В Сыравели за последнюю неделю четыре убийства было, говорят какой-то маньяк объявился, да и у нас неспокойно, всякой нечисти полно. Мой вам совет: ложитесь спать.

И не ожидая никаких возражений, он ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

Таня ждала недолго, как только игумен с ребятами скрылся в рабочем корпусе из трапезной вышел Трофим, он жестом пригласил девушку следовать за ним. Она окинула монастырь прощальным взглядом, сердце ее тоскливо заняло как-будто предчувствуя беду, но невеселые мысли Таня быстро прогнала и уверенно пошла за Трофимом.

Ни она ни Почепов с Орфеевым, не видели, как тот, кто назвал себя игуменом Филиппом остановился перед Никольским храмом и облик его изменился: исчез подрясник, скуфейка, борода на лице и теперь это уже было существо в сером плаще и фетровой шляпе — Рагнар Гандель.

* * *

Проснулся Андрей Орфеев рано утром от вороньего карканья. Огромный ворон сидел на подоконнике и внимательно разглядывал Орфеева. Сам Андрей лежал на разваленной кровати в большой комнате рабочего корпуса заваленной мусором и нечистотами.

Кучи дерьма лежали там и сям, как будто в этом здании на протяжении столетий только и делали, что срали, и не было в селе больше места, где это можно было делать так педантично и регулярно. В углу комнаты, на куче гнилой ветоши, свернувшись калачиком все, еще спал Юра. Орфеев выбежал из корпуса и с ужасом увидел, что все вокруг совсем не так как было вчера: оба храма без окон и дверей, с проваленными крышами и покосившимися главами, стены во многих местах обрушены или держаться непонятно на чем, корпуса выглядят абсолютно не жилыми, а то что вчера казалось трапезной и где с таким аппетитом ужинали, всего лишь убогая лачуга. Вся территория заросла бурьяном и завалена таким количеством мусора, что казалось его, свозили сюда со всего района и не один год. События вчерашнего вечера или сон, или мираж, но постепенно мысли Андрея прояснились, и до него стало доходить, что в этом сне они потеряли реального человека — Таню Кунину.

* * *

Кроме Серова в Сыравели были убиты фельдшер Роман Григорьевич Кавалеров и агроном Семен Негодяев. Убиты также, как и директор школы: кто-то перерезал им горло, будто ставя себе целью — напитать землю кровью. Всего за три дня было убито три человека, и Немиров регулярно сообщал об этом в район, требуя помощи. Но в Сыравель никакой следственной группы не присылали. Еще больше осложнилась ситуация, когда на четвертый день все трупы исчезли, а потом произошло то, чего вряд ли кто и ожидал. На следующий день после таинственной пропажи мертвецов, Григорий Петрович, находясь у себя в кабинете, (а было где — то около девяти часов вечера) изучал дневниковые записи своего предшественника на посту участкового лейтенанта милиции Артема Юрьевича Кавалерова. Они, эти записи, были вполне официальны, т. е. не личные. Артем Кавалеров имел такую привычку записывать информацию обо всех мало мальски важных событиях, произошедших в течение дня. Правда записи эти были очень краткие и однообразные.

Немиров перелистывал страницы дневника, не находил ничего интересного для себя. События в нем следовали одно за другим, и изо дня в день мало что менялось, но вот одна запись привлекла его внимание. Собственно, она была последней в дневнике, и на ней все записи обрывались, причем она была не помечена никаким днем и как бы выпадала из общего

контекста: «...Это как эпидемия. Приходит Серый (как бы он не называл себя Гандель или Верховный вождь), который долго лежал в земле. Ест шестидневного мертвеца, получает силу. Потом в селах находит потомков тех, кто был в его клане и возвращает к прежней жизни через смерть. Те в свою очередь превращают других жителей села в некое подобие зомби и вот уже все в их руках. Но нам так и не удалось выяснить 1) почему Гандель проснулся, что послужило причиной, 2) какова его цель, 3) не вернется ли он снова. Выяснить все эти обстоятельства нет времени. Ганделя надо уничтожить и мы знаем, где его логово....»

В конце тетради имелись какие-то рисунки и схема, посмотреть их Григорий Петрович не успел — он услышал какие-то странные звуки, доносившиеся с улицы, как-будто кто-то очень аккуратно отдирали штапики держащие стекла в рамах. Окно было расположено рядом со столом, за которым сидел Немиров, но в наступившей темноте он не видел кто там на улице. Другой звук отвлек его внимание: щелкнул замок в двери, и ручка медленно опустилась вниз, тот, кто был снаружи, осторожно надавил на дверь, но она не поддавалась. Немиров не закрывал дверь на ключ, но он знал, что скобы замка задевали друг за друга, и надо было надавить сильнее, тот, кто был за дверью догадался это сделать, и дверь открылась. Одновременно стекло в окне выскочило и разбилось и через проем в дом влезло существо некогда бывшее директором сыравельской школы, а за ним Кавалеров, фельдшер потом еще кто-то и еще. Человек 10 или 15 окружили стол участкового и молча смотрели на него. Но люди ли это были? В них без сомнения Григорий Петрович угадывал черты многих своих односельчан, но как они изменились. Лица приобрели какой-то синюшный вид и были обезображены страшными ранами, гниющими и источающими мерзкий запах. Все эти существа молча смотрели на Немирова, как-будто ожидая кого-то. И тот, кого они ожидали не замедлил вскоре явится. Он вошел через дверь, и был это сам Рагнар Гандель. Он подошел к самому столу и опершись на него руками спросил:

— Ну что, Ромул, с нами ли ты?

Григорий Петрович, холодея под пристальным взглядом Ганделя, запинаясь, ответил:

— Я не Ромул, вы меня с кем-то путаете.

— Твой предок был Ромулом. Ты его потомок, как мы воплощение наших предшественников, они все восстают из своих гробов, приобретая в нас новую сущность. Посмотри, тебя окружают

твои воины, которых ты предал, когда враг напал на нас и теперь пришел час расплаты за содеянное тобою сотни лет назад. Знай, что не одно деяние наших предков не оказывается безнаказанным, за все кому-то надо, так или иначе, отвечать. Возмездие всегда настигает нас в наших потомках.

Сказав эти слова Гандель взял со стола тетрадь и, перелистав ее, вырвал страницу со схемой. Толпа обступила стол Немирова и все взгляды были устремлены на него. Григорий Петрович встал и опрокинул стол, потом бросился к окну, на ходу кому-то мощно вмазав по физиономии, и высадив раму плечом кубарем выкатился на улицу.

* * *

Пока Андрей Орфеев придавался тягостным размышлениям о пропажи Куниной, дверь, казавшейся с виду необитаемой трапезы, открылась, и на пороге показался игумен Филипп. Он недоуменно уставился на Андрея, а тот устремился к нему и стал расспрашивать о том, где Таня. Выяснилось, ни Орфеева, ни Почепова, ни Кунину игумен не знает и вообще первый раз в глаза видит и не поймет, как они здесь оказались. Отец-игумен утверждал, что никто вчера вечером в монастырь не приходил и послушник по имени Трофим никогда в обители не проживал. Один единственный факт все же подтвердился: в монастыре действительно когда-то жил иеромонах Иосиф, его и вправду сбила машина и он похоронен за Казанским храмом, но произошло все это месяц назад, а не вчера, как утверждал Андрей. Тут усомнился Орфеев и спросил монаха, а сам он действительно ли игумен Филипп? На это игумен ничего не ответил, потому что сам сомневался в том, кто перед ним: человек или злой дух. Подошел Юра Почепов, который только что проснулся и еще меньше понимал в том, что в данный момент происходило. Игумен вежливо раскланялся с Юрием и спросил:

— А у того, вашего игумена, был ли вот такой крест? — и он указал на свой игуменский наперсный крест.

Друзья недоуменно переглянулись и ответили: «Нет»

— А молился ли он перед едой и после? И висела ли в трапезной хоть какая икона? — Продолжал свой допрос игумен и снова друзья ответили «Нет».

— Узнаю современных молодых людей, познания в области

отечественной духовности нулевые. Так вот на будущее запомните, коль вам уже пришлось столкнуться с некими проявлениями мира нечистых духов, эти существа не переносят ничего святого.

В свою очередь спросил игумена и Юра:

— О каких существах вы говорите, отец Филипп?

— О тех существах, которые вас так легко обманули. В наших краях их называют навьями, а тот, кто принял мой образ, главный из них. — просветил друзей отец Филипп.

Юрий пересказал монаху ту историю, которую они рассказывали лжеигумену вчера. При упоминании о книге отец Филипп, вдруг встрепнулся и попросил Юрия показать ее, тот немного подумав и посмотрев на молчавшего Андрея, полез в свой рюкзак, чтобы достать книгу и неожиданно вскрикнул: «Ой!» как будто укололся обо что-то. Он вытащил книгу, но как сильно она изменилась! Покупал то Почепов обычный томик в сиреновом переплете, а теперь это был толстый фолиант в роскошном, но все же сиреновом переплете. Обложка была отделана драгоценными камнями, и книга закрывалась серебряными застешками. Приглядевшись можно было заметить, что всю поверхность обложки покрывал очень тонко выделанный орнамент, состоящий из маленьких голых человечков с уродливо вытянутыми головами. Они были сцеплены друг с другом и создавало впечатление, что они как-будто растут друг из друга. Отец Филипп перекрестил книгу и взял ее в руки. Юрию показалось, что все человечки на обложки будто ожили и задвигались. Игумен повертел книгу в руках, поднес близко к глазам и сказал:

— А переплет то из человеческой кожи.

— Где это вы видели человеческую кожу фиолетового цвета? — заметил Андрей.

Игумен вернул книгу Юрию и только после этого ответил Андрею:

— У меня на этот счет есть кое-какие соображения. Да и вообще кожа человеческая может быть не только фиолетового, но и зеленого и даже синего цвета, уж поверьте мне. А ключики у вас от замочков на застешках есть?

Вопрос был задан Почепову, но он некоторое время непонимающе смотрел на отца Филиппа, потом стал объяснять:

— Да нет, какие ключики. Видите ли, батюшка, это собственно не та книга, которая у нас была, я вообще не понимаю...

— Книга то та, — перебил его игумен и удалился в свой дом. Он вернулся почти сразу же, держа в руках два нательных крестика на веревочных гайтанчиках.

— Я надеюсь вы крещенные? — Спросил отец Филипп и оба друга согласно закивали.

— Ну, хоть так, а то в наших краях некрещеным вообще делать нечего. Наденьте вот кресты и смотрите ни при каких обстоятельствах не теряйте, это главная гарантия вашей безопасности. Когда Юрий и Андрей, надев кресты, убрали их за ворот рубахи, игумен объявил им, что поведет их к Пакину.

* * *

Григорий Немиров упал в траву около окна своего дома. Он подумал, что на него тотчас кинется кто-то из этой нежити, но ничего не произошло. Немиров поднялся на ноги и увидел, как навьи столпились у окна и с интересом разглядывают своего врага, однако что-то их удерживало от нападения, и Григорий Петрович понял, что это был небольшой серебряный образок Ангела-хранителя, который был подарен ему в детстве бабушкой и с которым он не расставался никогда. Он висел у него на шее и теперь выскочил наружу через расстегнутый ворот рубахи, однако около дома оставаться было опасно, и участковый направился к церкви.

Тем временем в селе творилось что-то невероятное: по улицам бродили нечеловеки в самых разных видах, и с волочащимися по земле кишками, с гниющей плотью, без голов, без рук, были даже те, от кого остались только скелеты. Все это перемещалось по улицам по виду совершенно бесцельно и, казалось, не причиняло никому никакого вреда. Немиров слышал истошные крики, доносившиеся из домов, где-то на окраине села горели подожженные постройки селян: амбары, риги, сараи.

Григорий Петрович без приключений добрался до церкви и застал отца Венедикта во дворе собственного дома. Он не сразу увидел милиционера, так как был занят тем, что поил из кружки сидящую на лавочке у забора баб Машу.

— Что-нибудь случилось? — Озабоченно спросил Немиров и Герусов от неожиданности вздрогнул.

— Да вот, баб Маши, плохо стало. — Ответил он и вопросительно посмотрел на участкового ожидая, что тот расскажет о причине

своего визита. Немиров вдруг замялся, ему стало неловко рассказывать о том, что произошло, он даже подумал, что все ему только показалось, и было лишь плодом его расстроенного воображения. Хотя с чего ему было расстраиваться, этому воображению? Но тут же мелькнула мысль, что, пожалуй, в данной ситуации именно священнику надо было все рассказать. «Как на исповеди» — усмехнулся про себя Немиров. Григорий Петрович вкратце поведал отцу Венедикту о том, что случилось за последнее время в селе и лично с ним.

— Нет, Григорий Петрович, вы не больны и это не плод вашего воображения, все очень реально, настолько реально, что даже, мне страшно в это поверить.

— А что, Петрович, в той тетради, которую Гандель смотрел и вырвал листы была какая-нибудь карта? — Спросила баб Маша.

— Ну да, что-то такое было, я даже знаю, где находится то место, обозначенное на карте.

— Ой, не нравится мне все это! — Баб Маша встала с лавки, тяжело опираясь на плечо отца Венедикта. — Гандель должен появляться каждые сто лет, а, сколько мне помнится последний раз он был в 65-м году, а с тех пор и сорока лет не прошло, и он снова у нас и явно сильно интересуется картой, потому что не знает где находится место погребения Тяпки, а на карте именно оно и отмечено.

— Теперь знает. — Заметил Герусов.

— Мне кажется, мы должны там оказаться раньше Ганделя. — Заявил Немиров, отец Венедикт в знак согласия утвердительно кивнул головой и направился к гаражу, чтобы приготовить свой «жигуленок» к не столь долгому пути к склепу, где по преданию был погребен Тяпка. Когда все было готово, баб Маша стала проситься, чтобы ее тоже взяли с собой, но Герусов решительно отказал ей, сказав, что она здесь в селе будет нужней. Старуха вынуждена была смириться с таким решением. Отец Венедикт и Немиров сели в машину, взревел мотор и старый автомобиль выехал за ограду храма через центральные ворота.

* * *

Никакие предчувствия Татьяну не мучили, она шла за Трофимом полностью ему доверяя и, даже когда они вышли за село и пошли по дорожке, ведущей в лес, никакие сомнения ее

не посетили. Поэтому для нее был полнейшей неожиданностью мощнейший удар, полученный по голове сзади. Произошло это тогда, когда они уже почти достигли леса. Дальше Таня Кунина уже ничего не помнила, а очнувшись она на плечах каких-то существ похожих на людей. Крепкой веревкой были связаны руки и ноги Тани, и она могла видеть лишь звездное небо над собой. Как долго продолжался путь, Таня не могла знать, она то теряла сознание, то снова приходила в себя и, ей казалось, что шли они очень долго. Наконец существа, несущие ее, на мгновение, остановились, а потом стали спускаться куда-то вниз под землю. Таня видела каменные своды над собой, потом услышала, как скрипнула тяжелая дверь, и ее внесли в какую-то темную комнату и поставили к чему-то, что напоминало столб, к нему ее и привязали. Было так темно, что она не видела тех, кто ее сюда принес, но чувствовала прикосновение их холодных рук, и ощущала острый запах плесени. Сделав свою работу существа удалились, а Таня услышала, как снова скрипнула дверь и вошел человек с факелом в руке. Пламя факела осветило то место, где находилась Кунина и она сразу поняла, что это склеп. Посередине помещалась каменная гробница с какой-то надписью на крышке, а столб, к которому была привязана Таня, поддерживал своды склепа.

Человек укрепил факел в небольшом отверстии в стене и занялся какой-то странной работой: он натягивал веревки, ставил противовесы и крепил пружины. Работал он, молча и совершенно не обращал никакого внимания на Таню Кунину, как-будто ее здесь не было. За все это время Таня успела разглядеть, что одет человек в длинный серый плащ, а на голове у него шляпа. Тень от широких полей этой шляпы полностью скрывала лицо этого человека, так что Таня, даже усомнилась, а человек ли это вообще?

Закончив свою непонятную работу и натянув последнюю веревку куда-то за дверь, незнакомец поместил в небольшое углубление над дверью маленький самострел с вложенной в него стрелой. Затем незнакомец снял шляпу, и Таня увидела его лицо, обезображенное страшным гноящимся шрамом, идущим от правого глаза к нижней челюсти. Человек церемонно поклонился Тани и сказал:

— Ну вот мы и увиделись.

— Я вас не знаю. — Сказала Таня пытаясь ослабить веревки, напрягая кисти рук.

— Ну да, мы вообще-то не знакомы. И даже вашу далекую бабушку Терцию я не знал. Но именно она стала причиной,

невольно, не буду оспаривать, всех моих и моего народа бед.

Незнакомец прислонился к каменной стене, и Таня увидела его в профиль, лицо было немного вытянуто вперед и имела какие-то волчьи черты, даже из-под верхней губы выглядывал клык:

— Видите ли, Таня, ваш род, ну т. е. человеческий, даже не представляет, что мир населен не только вами, вы не исключительно единственные обитатели этого мира. И вы считаете, что только у вас есть исключительное право называться высшим творением Божиим.

— А разве это не так? — Искренне удивилась Таня.

— Нет. Но ваш род неумен. Когда его представители решают, что правы, то их не перешибешь и не переубедишь уже ничем. Когда ваши далекие предки столкнулись с представителями моего вида, они стали называть нас Существами и охотится на нас. Постепенно нас становилось все меньше и меньше. Мы не умирали, потому что были бессмертны, но наши сущности переходили в другое состояние, которое не всем из нас нравилось. Поэтому несогласные искали способа вернуть свои тела.

— И что это за способ?

— Кровь. Нужна человеческая кровь. Только она способна восстановить нас.

Он на некоторое время умолк и Таня, перестав пытаться освободиться. Незнакомец как будто думал.

— Я один из тех, кто решил сопротивляться вам, людям. — Наконец сказал он. — Мое имя Гандель. И теперь твоя кровь поможет мне восстановить справедливость.

Гандель умолк и вышел из склепа, прикрыв за собой тяжелую дверь. При свете догорающего факела Таня Кунина смогла разглядеть всю систему натянутых веревок и поняла, что это своеобразная ловушка. Тот, кто войдет в склеп первым и откроет дверь неизбежно выбьет скобу, держащую все эти веревки и самострел нацеленный ей в сердце сработает.

* * *

Жилище Пакина находилось почти рядом с монастырем на берегу Пны, поэтому идти туда пришлось недолго. Дом, сложенный из огромных дубовых бревен, поражал своей монументальностью и величавостью, он был обнесен бревенчатым

забором раза в два выше человеческого роста. В этом доме Николай Илларионович Пакин жил вместе с женой.

Игумен Филипп постучал в калитку собранной из дюймовых досок на звук отозвался лаем огромных размеров волкодав привязанный где-то за забором рядом с воротами. Ждать пришлось недолго: скрипнула дверь дома, лязгнул затвор немецкой винтовки, затем с грохотом отодвинулся засов, калитки и она отворилась. Гостей встретил человек небольшого роста, круглолицый, абсолютно лысый. Одет он был в синий потрепанный пиджак такие же брюки, а на ногах шлепанцы. В руках он держал винтовку, но увидев отца Филиппа, человек опустил оружие, улыбнулся и на удивление писклявым голосом протянул:

— А, отец Филипп! Рад, всегда рад. Чем обязан?

— Мы к вам по делу, Николай Илларионович.

— Ну проходите, проходите.

Пакин окинул взглядом Почепова с Орфеевым и пригласил всех в дом. Калитка закрылась, снова загрохотал засов. В доме они сразу прошли на кухню. Кухня, оборудованная по последнему слову техники, была обставлена изящной кухонной мебелью в стиле модерн. Посредине стоял большой стол, который был заставлен разной снедью, а у окна притулилась женщина такого же небольшого роста, как и Пакин, полная, даже чрезмерно, с ямочками на щеках и с глазами круглыми как плоски. Эти глаза излучали столько природной глупости, что казалось они, принадлежат не человеку, а корове, которая по ошибке оказалась в доме.

— Моя жена, Маргарита Викторовна. — Представил женщину Пакин и предложил всем присесть. Маргарита Викторовна начала разливать по чашкам чай, в это время игумен представил Пакину Орфеева и Почепова. Окинув их оценивающим взглядом Пакин спросил:

— Ну и чем я могу быть вам полезен?

— Мы ищем девушку... — Андрей не успел закончить фразу, как Николай Илларионович вынул из внутреннего кармана пиджака фотографию и протянул ее Орфееву. На ней была запечатлена девушка с распущенными волосами, и она была очень похожа на Таню.

— Да, похожа на Таню, но я видел такую фотографию в музее у Ксении Поповой.

— Это Таня и есть, т. е. девушка, которую вы ищете. Только эта Таня жила намного раньше вашей и звали ее Мария, она ее двоюродная тетя. Знаете ли, в наших местах жил когда-то легендарный народ — оличи и у них была такая оригинальная версия относительно происхождения своего племени. Они считают, что каждый из них воплощается в своих потомках, сохраняя в точности свой внешний вид и частично родовую память. Такое своеобразное бессмертие, но за него надо было платить, т. е. представить в царство теней как бы замену за каждого своего родича и за себя. Поэтому они приносили человеческие жертвы, а жертвы эти находили среди окрестных племен. Конечно, такой образ жизни не мог нравиться тем, кто жил рядом с ними. Поэтому оличам часто приходилось менять место жительства. Последнее их пребывание, до разорения Тяпкой, было как раз в наших трех селах Сыравель, Ярлуково и Пакунакино. Но как вы понимаете и на новом месте они не оставили своего занятия: красть людей и приносить их в жертву, чтобы жить дальше в своем потомстве.

— А Тяпка это бывший лакинский князь Георгий Святославич. — Решил проявить свою эрудицию Юрий.

— Вы я вижу, тоже попали под влияние бредней нашего краеведа Михаила Нурова! — Презрительно фыркнул Пакин. — Именно он высказал эту версию, что Тяпка и есть тот самый князь. Но с чего он это взял? Где факты? Только разные народные предания. Я вам расскажу историю Тяпки до конца. Выбрав удобный момент, Тяпка со своей шайкой напал на села оличей, убил всех, не пожалев ни детей, ни женщин, ни стариков. В плен взял только жреца Ганделя. Жрец умер в страшных мучениях на колу, успев проклясть Тяпку и весь его род. Текст проклятия передавался из поколения в поколение, самими мордвинами. В 1897 г. известный фольклорист Рудольф фон Кранк многие годы посвятивший собиранию сказаний, так называемых неведомых народов, приезжал сюда к нам и записал это проклятие. Потом этот текст вошел в книгу, названную им «Сказания неведомых и загадочных народов», изданную в Германию его сыном Отто, после смерти Рудольфа в 1937 г., совсем небольшим тиражом, всего 100 штук. Один экземпляр у вас.

— И как же это проклятие должно осуществиться? — спросил Андрей.

— А это вы узнаете сами. Девушка, которую вы ищете последняя из рода Терции. Именно ее кровь упоминается в заговоре как святая кровь. И она должна пролиться, чтобы снять проклятие.

Хранивший во все время беседы молчание отец Филипп, почти приказал Пакину:

— Вы должны помочь Андрею и Юре!

Пакин многозначительно посмотрел на игумена и сделал знак рукой жене, та удалилась и через некоторое время вернулась в сопровождении девушки в зеленом платье.

— Ксения! — только и мог сказать удивленный Орфеев, Ксения Попова наклонила голову в знак приветствия и села рядом с Пакиным.

— Да, друг мой, это Ксения и она проведет вас в то место, где сейчас находится Татьяна, т. е. в склеп Тяпки. Отсюда это не так далеко и если вы поспешите, то возможно успеете туда раньше ее убийцы отца Венедикта.

Сборы были недолгими, и друзья уже вместе со своей проводницей прощались с хозяином. Отец Филипп отказался идти вместе с ними, сославшись на то, что монах не может покидать свой монастырь. Пакин вместе с женой вышел за калитку проводить гостей. По мере того, как они исчезали из виду образ краеведа менялся, как бы таял и под его оболочкой вырисовывался облик существа в сером плаще и такого же цвета шляпе. Та что была женой Пакина превратилась в крупную зеленую жабу с выпученными глазами. Настоящие Пакин и его жена лежали в сарае на сеновале с перерезанными глотками.

* * *

Судьба отца Филиппа складывалась не совсем удачно в миру. Он родился и вырос вдали от тех мест с которыми теперь так тесно была связана его жизнь. Родиной его был город Минск и в миру отец Филипп звался Федором Нехтуем. Окончив школу, Федор пытался поступить в университет, но без успеха. Служил в армии, после демобилизации вернулся в Минск, поступил в ПТУ и там встретил девушку, как ему тогда казалось, своей мечты. Дело шло к свадьбе, но возникло неожиданное препятствие. Федор Нехтуй всегда был верующим, а в период знакомства со своей девушкой его религиозность приняла активные формы: он бывал почти на всех богослужениях, прислуживал в алтаре и готовился стать его служителем. Невеста, узнав о намерениях своего жениха стать пастырем, поставила жесткое условие: или я или церковь. Федор выбрал второе и остался один.

Событие это не столько потрясло его душу, сколько заставило задуматься о бренности всего земного и неустойчивости всех человеческих отношений и привязанностей. Федор отправился в паломничество в один из монастырей Рязанской области, где, как он слышал, еще живут старцы. В этом монастыре он и остался. Через три года он был пострижен в монахи и тогда получил свое новое имя Филипп, в честь митрополита Московского Филиппа умученного жадным до крови царем Иваном (по официальной версии). Через некоторое время монах Филипп был рукоположен в священный сан, а затем назначен настоятелем Новочемоданова Никольского монастыря. И вот теперь служил здесь восьмой год. За все это время его настоятельские функции сводились к исполнению обязанностей приходского священника, так как в монастыре был всего лишь один монах и насельник — сам отец Филипп.

На второй год своего пребывания в обители игумен познакомился с местной подвижницей матушкой Кулей. Ее привезли в Новочемоданов монастырь причащаться, тогда ей было уже за 90 лет, и она с трудом могла перемещаться, но обладала трезвым умом и сохраняла ясность мышления. Жила она в Ярлуково и была очень почитаема в соседних деревнях среди верующих, как человек святой жизни. Во время гонений, когда ни в одном окрестном селении не было ни одной действующей церкви, баба Куля руководила духовной жизнью верующих. К ней приходили за советом, помощью и утешением.

После своего знакомства со старицей отец Филипп еще не раз посещал ее в Ярлуково, беседовал с ней и почерпнул много полезного для своей души из этих бесед. Старица, несомненно обладая даром прозорливости, предсказала все события настоящего времени: и приезд трех друзей из Лакинска, и пропажу девушки и то что два ее друга отправятся ее искать. Она же рассказала о «сиреневой книге» и о Ганделе, предупредила, что ни в коем случае нельзя подчиняться его воли и что все события, которые будут происходить в Сыравели должны свершиться и не надо их пытаться предотвратить. Мать Куля учила, что надо просчитывать ходы Ганделя и вмешиваться в его планы там, где он не ожидает. И предупредила, что главное логово его в Лакинске в доме, который купил у Аверабля Ганделя Стронкин, дед Орфеева.

Поэтому, когда Юрий с Андреем в сопровождении Ксении Поповой отправились на поиск Тани, отец Филипп вернулся в монастырь, собрал свои нехитрые пожитки в небольшой чемоданчик, хорошо запер дверь своей келии и направился к автобусной остановке, с тем чтобы к обеду следующего

дня быть в Лакинске. Надо было торопиться, отец Филипп посмотрел книгу по генеалогии дворянских родов лакинской губернии раньше Почепова и знал, где находится дом Ганделя в Лакинске.

* * *

По уверению Ксении от Ново Чемоданово до склепа было не так и далеко, всего час или около того, ходу. Сначала шли по широкой песчаной дороге через лес, потом Ксения свернула на еле различимую лесную тропинку. Попова шла впереди, Андрей следом, а Юра замыкающим. Ксения шла так быстро, что Андрей едва поспевал за ней, а Юра постоянно просил, чтобы сбавили ход. Лес становился все гуще, ели и сосны сменили дубы, они росли так плотно, что их кроны почти не пропускали солнечного света, но несмотря на это земля под дубами была сплошь покрыта необычными кустообразными растениями. У этих растений были длинные узкие листья оранжеватого цвета и они источали резкий неприятный запах. Андрей старался не отставать от Ксении, но ему никак не удавалось догнать ее и между ними всегда оставалось расстояние шагов в десять. В какой-то момент, он перестал слышать жалостливые вопли Почепова. Андрей оглянулся, Юры не было видно.

— Юра, ты где? — крикнул Орфеев, но никто не отозвался, и только Ксения оказалась рядом.

— Что потерялся? — поинтересовалась она, и Андрей увидел, что лицо ее в полумраке выглядит как-то иначе. Перед ним стояла и не Ксения вовсе, молодая и красивая, а высокая стройная старуха с ужасно гадким лицом испещренным множеством морщин. От прежней Ксении оставалось только зеленое платье и молодое тело, в сумраке леса платье стало совсем прозрачным, и сквозь него отчетливо проступали контуры женской плоти.

— Ты кто? — спросил Андрей.

— Ксения Попова, ты разве забыл мое имя? Лес меняет вид тех, кто попал в него, он делает нас такими, какие мы есть на самом деле, вот посмотри на себя.

У нее в руках появилось небольшое зеркальце, и она повернула его к Андрею. Орфеев увидел в нем отражение какой-то мохнатой морды с поросычьим рылом, маленькими глазками и торчащими в стороны ушами. Андрей инстинктивно схватился

руками за лицо и ощутил мягкую шелковистую шерсть и мокрый порсячий пяточок.

— Что, не ожидал себя увидеть таким? А вон и Юра ползет. — Ксения указала рукой в правую сторону от Андрея. Из зарослей кустарника выползало существо имевшее шарообразное тело, покрытое бугристой кожей, с каждой стороны тела торчали четыре мохнатые лапки, а наверху, на тоненькой шее, торчала голова Юры. Говорить Почепов не мог, потому что, когда он открывал рот оттуда выплескивалось жидкообразное дерьмо, стекавшее по шарообразному телу на землю. От Почепова исходило страшное зловоние.

— Вашингский монастырь, от которого сейчас только склеп Тяпки остался, находится на окраине леса и там к вам вернется, быть может, прежний ваш вид. — Утешила Ксения, а Орфеев подумал о том, что лес скорее искажает внешний вид человека для какой-то известной только ему цели, а возможно еще так действует на человека запах источаемый кустами. Между тем Ксения продолжала свою речь, и до Андрея стал доходить ее смысл:

— Но я могу помочь тебе, вы станете такими как были прямо сейчас, если выполните одно условие.

— Что нужно делать?

— У тебя же уже есть два ключа от дома Ганделя?

— Да.

— Третий ты найдешь в склепе, кровь Тани тебе поможет его обрести.

— Кровь?

— О, не переживай, это не больно и не смертельно. тая останется жива, но ее кровь нужна.

Он не видел ничего страшного в том, что возьмет ключ откроет дверь и, наконец, раскроет, быть может, древнюю тайну, да и, наверное, не было у него другого выбора. Андрей посмотрел на блюющего дерьмом Почепова и молча кивнул головой. Кроны деревьев на мгновение разошлись в стороны и луч света, проникнув через образовавшийся проем освятил фигуры людей вернув им прежний вид, и они продолжили свой путь. Постепенно лес стал меняться, деревья были не такими высокими, и свет свободно проходил сквозь кроны, странные растения с оранжеватыми листьями исчезли и уступили место кислице. Вскоре путники вышли на край глубокого оврага, очень широкого, дно и крутые берега которого густо поросли

высокой травой. На дне оврага примерно в километре от того места, где остановились путники виднелось несколько ветхих деревянных срубов. Они расположились вокруг небольшого холмика трава на котором почему-то не росла.

— Смотрите, там кто-то идет! — Закричал Почепов и указал рукой на запад. Действительно по дну оврага неспешно шли два человека один в милицеейской форме, а другой в подряснике.

— Да это отец Венедикт. — Снова кричал Почепов и принялся махать руками, пытаясь привлечь внимание тех, кто шел по дну оврага, но они не слышали и не видели Юрия.

— Дальше я не пойду с вами — заявила Ксения, и обращаясь к Андрею напомнила ему. — Не забудь о нашем уговоре.

В тот момент как отец Венедикт с Немировым подошли к склепу и открыли тяжелую дверь, Юра с Андреем бежали по склону оврага, и сердце Орфеева тревожно билось, он смутно чувствовал, что не надо бы отцу Венедикту открывать дверь.

* * *

Дорога к склепу от Сыравели проходила через поле. Она петляла и извивалась, шла параллельно пройденному и вновь возвращалась назад, чтобы сделать изгиб и вновь устремится вперед, а потом она вдруг закончилась и неожиданно уперлась в огромное болото. Через нее была проложена узкая гать издали похожая на ковровую дорожку. За болотом виднелся лес. Герусов и Немиров вышли из машины.

— Здесь только пешком. — Констатировал Григорий Петрович.

— Странное болото. — Откликнулся на его реплику отец Венедикт.

— Это почему?

— А как вы объясните его происхождение: здесь поле, а там ни с того ни с сего болото?

На этот вопрос Немиров ничего не ответил, и они смело ступили на прогнившие доски гати. К удивлению болото миновали очень быстро, хотя казалось, что до леса идти и идти. Да и в ближайшем рассмотрении лес оказался вовсе не таким большим, скорее это был пролесок, состоящий из тройного ряда деревьев росших на краю огромного оврага, больше похожего

на русло пересохшей реки. На дне оврага виднелось несколько полуразвалившихся избушек и небольшой холмик, который без сомнения и был тем самым склепом.

Не раздумывая, стали спускаться по склону оврага, и по песчаному дну его устремились к склепу. Из-за высоких кустов, росших в беспорядке на дне ни отец Венедикт ни Немиров не видели, как с другой стороны оврага им навстречу спешили Андрей и Юра.

Холм, под которым располагался склеп, имел коническую форму, и в одном месте его была дверь, сделанная из материала похожего на дерево, но очень плотного и темного. Священник и милиционер, с трудом открыли дверь и обнаружили ход ведущий вниз. Он был не очень высокий, так что приходилось нагибаться, чтобы не удариться о кирпичный потолок головой. Первым шел Немиров, он включил фонарик и луч его высветил еще одну железную дверь в конце хода. Участковый слишком спешил и не заметил, что одна из ступенек лестницы, по которой они спускались, совершенно сгнила. Наступив на нее, Григорий Петрович потерял равновесие и упал вперед, сильно ударившись головой и потеряв на мгновение сознание. Он очень быстро пришел в себя и тут же застонал от боли. Отец Венедикт поспешил к участковому на помощь, однако тот только замах руками, мол, ничего, идите дальше. Герусов поднял упавший фонарик и вплотную приблизился к железной двери. Она была немного приоткрыта, когда отец Венедикт взялся за ручку и потянул на себя. Она легко поддалась, и в следующее мгновение священник услышал легкий щелчок и громкий человеческий стон. Открыв дверь Герусов увидел Татьяну, привязанную к столбу перед гробницей. Из левого плеча ее торчала длинная черная стрела. Девушка бессильно свесила голову на грудь и не подавала признаков жизни. Отец Венедикт не знал, что делать, до него стало доходить, что именно он стал виновником гибели девушки, если она действительно мертва. К столбу, прихрамывая, подошел Немиров, он пощупал пульс на шее Татьяны.

— Она жива. Надо ее снять. Стрела пробила плечо. — Успокоил он Герусова.

В это время скрипнула дверь, и в склеп вошли Почепов с Орфеевым. Отец Венедикт не был удивлен их появлению и представил друзей участковому. Впрочем, толком сказать друг другу ничего не успели, так как склеп вдруг озарился неярким синеватым светом и на стене напротив входа, появилась надпись огненными буквами. Это было то самое заклинание из «Сиреневой книги». Стены склепа задрожали,

как будто началось землетрясение, из гробницы поднялся гроб, рассыпавшийся в труху, и оставив труп мужчины, одетого в монашеский подрясник. Никто не заметил, как тоненькая струйка крови из раны Тани стекла со столба и впиталась в землю. От места, где кровь попала на поверхность как будто маленькая струйка быстро устремилась к гробнице и коснулась ног покойника. От этого прикосновения истлевшая плоть распалась в пыль и на ее месте в гробнице лежал ключ, как две капли воды похожий на те два, что дал Орфееву дед.

Андрей сразу узнал этот ключ. Он тут же взял его из гробницы. Немиров, как представитель власти, попытался оспорить право Орфеева владеть ключом, но тот холодно заметил, что кому как не ему музейному работнику должен принадлежать ключ, который без сомнения представляет музейную ценность. Ответ успокоил участкового, вопросов он больше не задавал, да и не до того было: нужно было снимать Таню. Из курток кое как соорудили носилки, стали развязывать веревки, но выяснилось, что стрела воткнулась в столб и пришлось ее все же вынуть из раны. Слава Богу, наконечник был без зазубрин и вышел легко, завязали рану рукавом, который оторвали от белой рубашки Почепова и потащили Таню к выходу. Таня потеряла сознание и ничего не видела из происходящего с ней.

* * *

Отец Венедикт и Немиров благополучно довели Таню до Рипецка и оставили в районной больнице на попечение врачей и медсестер. Вернувшись домой, отец Венедикт выслушал рассказ Орфеева о том, как Юра нашел книгу и что из этого получилось. Немиров, присутствующий при разговоре, раздраженно заметил, что прежде чем читать какие-либо книги в слух надо бы хорошенько подумать, да и вообще стоило ли приобретать книгу, из-за которой столько проблем, не лучше ли ее вообще сжечь.

— Что вы говорите такое, Григорий Петрович, сжечь книгу, не прочитав ее! — Возразил ему Герусов — Без сомнения заговор, произнесенный вслух Татьяной, разбудил какие-то враждебные человеку силы, находившиеся до этого под печатью родового проклятия, возможно, была преодолена некая граница, отделяющая нас от чего-то ужасного и прочитав то, что написано в книге дальше мы сможем защитить себя от совершения очередных ошибок.

Никто не поддержал начатого священником разговора. Участковый

со всеми попрощался и ушел, а Юру с Андреем баб Маша повела на ночлег в дом, который находился недалеко от церкви. Он был деревянный и состоял всего лишь из двух комнат. В одной из них находились железные кровати, а другая была занята под кухню. Домик служил своеобразной гостиницей для тех, кто приезжал в Сыравель из других сел на Ильин день, когда из Никольской церкви устраивался крестный ход через все село в Ильинскую церковь, расположенную на кладбище.

Все события минувшего дня очень утомили Орфеева и Почепова, так что оба легли на кровати и тут же уснули. Примерно в час ночи Андрей был разбужен криком Юры, который как будто с кем-то боролся. Андрей включил свет и увидел, что Юра держится руками за горло:

— Меня кто-то душил. Сначала пытались вытащить книгу из-под подушки, а потом, когда я стал сопротивляться, стали душить.

— Но здесь никого нет, — сказал Орфеев, осмотрев комнату. — И дверь закрыта у нас изнутри.

Ничего, не обнаружив, выключили свет. Через некоторое время Юрий заворочался на кровати и сдавленно захрипел. Орфеев снова включил свет и увидел, что Юра без сознания, а на шее его видны следы от удавки. Вылив на лицо Почепова стакан холодной воды, Андрей быстро привел в чувство друга.

— Слушай, Юр, не нравится мне все это. Надо отсюда уносить ноги. Сейчас полвторого ночи, а через час придет в Рипецк автобус из Москвы, мы на него еще успеем.

Почепов в знак согласия закивал головой. Быстро собрались, заперли дом и без особых приключений достигли Рипецка. Успели как раз вовремя, водитель уже включил двигатель и собирался продолжить путь в Лакинск. В город приехали ранним утром. Договорились, завтра встретиться в парке. Никто из них, даже не обратил внимания на отца Филиппа, который сидел на скамейке недалеко от автовокзала. Он дождался, когда Юрий попрощавшись с Андреем перейдет на другую сторону улицы и сам пошел за Орфеевым. Только уже около орфеевского дома окликнул Андрея. Тот нисколько не удивился, увидев игумена.

— Здравствуйте, батюшка, я предполагал, что вы поедете в Лакинск.

— Вы проницательны.

— Что ж, заходите в дом, будете гостем.

Переступив порог дома, отец Филипп не стал затягивать момент объяснения с Орфеевым и сразу рассказал ему, почему он приехал в Лакинск и зачем поджидал самого Орфеева. Игумен знал о ключах, но главное ему было известно, что все произошедшее в Сыравели было спланировано враждебными людям силами и теперь важно было помешать дальнейшему осуществлению этих планов.

* * *

На окнах ажурные решетки, узор их затейлив. Кузнецы нынче хороши, дело свое знают, хотя и не помнят никаких традиций. Стены белые, решетки черные. Это как-то диссонировало, вносило в больничную палату разлад и только ряд кроватей упорядочивал внутренний хаос, царящий в душе Тани Куниной, когда она открывала глаза после длительных часов сна. То, что она в больнице, Таня поняла сразу, хотя и не сразу уяснила зачем, даже несмотря на то, что перевязано плечо и медсестра поменяли повязку. Но постепенно она вспомнила все события этого дня.

Ее охватило какое-то странное беспокойство, чувство, что она чего-то еще не сделала или не довела до конца начатое дело. Она встала с постели. На стуле, который стоял рядом с кроватью, лежала ее одежда и сумочка. Превозмогая боль в плече, она оделась и покинула больницу никем не замеченная.

Оказавшись на улице знакомого ей города Рипецка она пребывала в совершенной растерянности, однако радость вечернего дня несколько отвлекли ее мысли от мрачного их направления. Вокруг цвела природа, щебетали птицы, а ароматы, растворенные в воздухе, пьянили ум.

У Тани было немного денег, которые она обнаружила в своей сумочке. Она выбрала столик в кафе под открытым небом на берегу маленькой речушки, заказали стакан апельсинового сока и стала изучать содержимое своей сумочки. Набор цветных ручек, одноразовые салфетки, губная помада, кошелек. Таня допила сок и расплатившись с официантом направилась в парк. Она даже не подозревала, что с того момента, как вышла из больницы и до самого кафе за ней все время наблюдала рыжая девица в красном платье, которое, если присмотреться, не имело никаких застежек. Как только Таня, достигнув городского парка уселась на одну из лавочек, расставленных в великом множестве вдоль парковых аллей, чтобы обдумать

свое положение, рыжая девица тотчас подсела к ней и сразу же представилась:

— Меня зовут Ксения.

— Ну и что с того. А меня Таня, но мне от этого не легче. — Так ответила Кунина, предполагая, что тем самым отобьет всякую охоту у Ксении к дальнейшему общению. Но не тут-то было, та, как ни в чем не бывало продолжила разговор.

— Теперь у вас есть возможность наполнить свою жизнь новым смыслом.

— Неужели?

— Истинно так.

Ксения, чтобы беседа приобрела более доверительный характер решила ей рассказать об интимной подробности своей жизни:

— Я в свое время любила одного человека. И так сильно, что готова была умереть.

Таня заинтересовалась:

— А он вас любил?

— Нет, он меня даже не замечал.

— И как же вы поступили в этом случае?

Ксения повернулась к Тане лицом и пристально глядя ей в глаза, как будто гипнотизируя ответила:

— Я умерла.

Она неожиданно резко наклонилась к Тане и поцеловала ее в губы. Кунина будто остекленела: теперь она была похожа на управляемую игрушку. Ведомая Ксенией она покорно поднялась и пошла с ней к желтому «жигуленку», который был припаркован на обочине. Вскоре они достигли Сыравели. Машина остановилась около местного кладбища и обе девушки отправились к кладбищенским воротам. На кладбище царил тишина и даже вороны, который кружили над вековыми кладбищенскими дубами молчали. Сгущались тучи, пахло дождем и грозой. Пару около одной из могил уже ждал Гандель. Он приветливо кивнул остекленевшей Куниной и придерживая ее правой рукой за затылок тихо сказал:

— Ну вот, Таня, мы снова увиделись. Ты здесь, чтобы помочь нам всем, — он обвел кладбище левой рукой в котором блеснул кинжал. В следующее мгновение его рука резко опустилась и пронзила ножом сердце Татьяны. Она вскрикнула и рухнула

на землю, горячая струя крови вытекла на кладбищенскую землю. Грянул гром и потоки воды с неба устремились вниз. Земля на могилах зашевелилась, разверзлась в разные стороны и из чрева могил полезли предки, живущих ныне, чтобы вновь обрести жизнь.

* * *

Уже была глубокая ночь, когда отец Филипп и Андрей приступили к делу. Надо было спешить. Три совершенно одинаковые ключа лежали перед ними на столе и в свете тусклой лампочки поблескивали своей стальной поверхностью.

— Они совершенно одинаковые. — Сказал отец Филипп.

— Ну и дверь одна. — Заметил Орфеев, указывая на обычную деревянную дверь, которая располагалась за их спинами.

— Открывайте, Андрей.

Орфеев вставил сначала один ключ, он не подходил, потом второй и только третий подошел. Ключ повернулся в скважине, дверь отворилась, за ней, отделяемая небольшим коридорчиком через небольшой промежуток, была еще одна дверь, такая же, ее открыли вторым ключом, но с третьей дверью произошла заминка, ключ никак не поворачивался в скважине. Отец Филипп взял у Орфеева ключ и оттеснил Андрея от двери. У него лучше получилось открывать замок — ключ легко вошел и повернулся в скважине. Священник открыл дверь: перед ним на пороге стоял Гандель с ним рядом Ксения, а за ними целая толпа людей, глаза которых пылали неистребимой злобой.

— Добрый вечер, отец Филипп. — Сказал Гандель и чуть приподнял шляпу. — Мы к вам.

Рагнар повернул голову и посмотрел на Ксению, повернувшись снова лицом-мордой к отцу Филиппу, который несколько расслабился, он вдруг резко двинулся вперед и с каким-то жутким рыком впился в шею священника. Фонтаном брызнула кровь из перекусанной артерии, отец Филипп упал. Орфеев был в шоке, но смог понять, что из-за спины Ганделя вышла Ксения и двинулась прямо к нему. Андрей побежал, но споткнулся, упал, перевернулся на спину и как будто оцепенел. Ксения тут же оседлала его и, глядя ему прямо в глаза, медленно наклонилась и поцеловала Орфеева в губы, он даже не думал сопротивляться.

* * *

Вечером Юра Почепов возвращался к себе домой, в квартиру. Он, как всегда, был погружен в свои мысли и ни на что не обращал внимание ни на аромат уходящего августа, ни на мягкий свет сумерек, ни на тихий шелест листьев деревьев. В том числе он не обратил внимание на милицейский уазик тихо стоящий чуть в сторонке от подъезда.

Он вошел в подъезд и машинально хлопнул дверью. Коридор был освещен тусклым светом шестидесятиваттовой лампочки, кто-то сзади накинул на шею Юры крепкий шнурок и сильно сдавил горло. Юра даже не особо сопротивлялся. Теряя сознание и вместе с ним жизнь последнее что, он подумал было «Прям как во сне».

Человека, который задушил Почепова открыл его портфель и вынул оттуда книгу с заговорами — это все что было ему нужно от коллекционера.

* * *

Дом Стронкина наконец обрел своего истинного хозяина. В самой главной комнате из тридцати трёх, которая располагалась в центре дома, у горящего камина в глубоком кресле сидел Рагнар Гандель все в той же серой шляпе и такого же цвета плаще. Образ его дополнял только дымящаяся сигара в одной руке и фужер с красным вином в другой. Ксения сидела на диване напротив Рагнара.

— Что же, Ксения, мы выполнили все свои задачи: я вернул свой народ, вы приобрели свою любовь. — Он посмотрел на Андрея Орфеева, который стоял рядом с диваном с подносом в руках, готовый выполнить любой приказ своей госпожи. — А вместе мы обрели новый общий дом в городе, где много еды, много досуга и развлечений. Жизнь продолжается и никогда не закончится. И это хорошо, Ксения, согласишься?

— Да, Рагнар, я согласна с тобой.

Ответила Ксения и в черных глазах ее пылал огонь — отражение пламени камина.

* * *

Светало, когда участковый милиционер Григорий Петрович Немиров подъезжал на своем уазике к Сыравели. Грунтовая дорога петляла по полю, впереди виднелся березовый лес. Доехав до него Григорий Петрович остановил машину и вышел. Широко шагая по лугу, который отделял лес от дороги, милиционер приблизился к ближайшей березе и обнял ее. Он гладил ее кору шершавой рукой настоящего воина и говорил:

— Ну вот, родная, сделали мы свое дело, выгнали супостата. Теперь все будет хорошо.

Он прослезился, скупая слеза потекла у него по щеке и Григорий Петрович стер ее рукой. Затем он снова сел в уазик и продолжил свой путь. Он достиг дома отца Венедикта Герусова, когда уже совсем рассвело. На пороге его уже ждал священник. Участковый притормозил около дома и не глуша двигатель вышел из машины прихватив с собой книгу. Он отдал ее священнику, который передал книгу в руки жены.

— Все прошло хорошо? — спросил отец Венедикт

— Да, батюшка.

— Юра не сильно возражал?

— Нет, что вы, он был только рад.

— Ну что ж, мы прогнали нечисть с наших земель. Я забочусь о свой пастве и оберегаю ее.

— Да, батюшка, чтобы мы без вас делали.

— А вам спасибо за помощь, Григорий Петрович.

— Ну что вы, это мой долг. Отец Венедикт, благословите.

Григорий Петрович сложил руки для благословения, священник осенил его крестным знамением, участковый поцеловал его руку и сел в уазик, тот рванулся с места и помчался по песчаной дороге в сторону центра села. Отец Венедикт смотрел ему вслед, затем перекрестился и сказал:

— Слава Богу!

Июль 2003 г. — август 2023 г.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>